

**МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ТЕХНИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
ГРАЖДАНСКОЙ АВИАЦИИ**

Н.А. Суворов

**СОВРЕМЕННЫЕ
МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ**

Часть III

Москва-2012

УДК
ББК

С 89

Печатается по решению редакционно-издательского совета
Московского государственного технического университета ГА

Рецензенты:

д-р филос.наук, проф. К.Н.Панферов

д-р экон. наук, проф. Л.Г. Гагут

Суворов Н.А.

Современные международные отношения. Часть 3. Учебное пособие.

- М.: МГТУ ГА, 2012, - с. Лит.: наим.

Данное учебное пособие издается в соответствии с рабочей программой учебной дисциплины «Современные международные отношения» по учебному плану специальности 030602 для студентов IV курса дневного обучения.

В учебном пособии рассмотрены проблемы современности, связанные с бурным развитием информационно-коммуникационных технологий и приобретшие глобальный характер. Показано, что новое информационное общество зависит от традиционного мирового порядка, в котором власть основывается на региональных и геополитических институтах, и несмотря на использование новых инструментов власти – глобальных СМИ, к нему в полной мере применимы классические вопросы политики - кто правит, на каких основаниях и в чьих интересах.

Рассмотрено и одобрено на заседании кафедры 15.05.2012 г. и методического совета 08.06. 2012 г.

ВВЕДЕНИЕ

Современный мир меняется быстрее, чем когда-либо раньше, и для того чтобы соответствовать изменяющемуся миру, мы должны адаптироваться к этим изменениям и сами совершенствоваться быстрее. Развитие информационных технологий и транспортной инфраструктуры «сужает» наш мир, делает его более компактным и тесным. Другими словами, любое место на Земле становится более доступным, а информация практически мгновенно распространяется по всей планете. Появились глобальные СМИ, которые своими информационными потоками охватывают большую часть населения планеты, контролируют и формируют массовое сознание значительной части мирового сообщества (населения).

В настоящее время в мире идет жесткая бескомпромиссная борьба за лидерство в информационной сфере. Национальные информационные ресурсы стали важнейшим ресурсом государств, являющихся лидерами мирового развития. Появились новые виды противоборства (соперничества) - информационные войны.

В пособии рассмотрены вопросы развития национализма, культурной глобализации, неравномерного развития стран мирового сообщества и влияние этих процессов на современные международные отношения и мировую политику. Одной из основных современных международных проблем является проблема безопасности. Так Дж. Най – известный американский ученый и бывший заместитель министра обороны США – подчеркивает, насколько, многие ... недооценивали, насколько новый (информационный) мир зависит от традиционного мирового порядка, в котором власть основывается на региональных и геополитических институтах.

Боб Доул, один из кандидатов в президенты США от Республиканской партии, подчеркивал, что безопасность США (в том числе экономическая) в будущем зависит от лидерства, которое уважают, от лидерства, которому доверяют, и, когда это необходимо, от лидерства, которого боятся. А Республиканская партия - это партия мира, опирающаяся на силу.

Тема 1. Мировое сообщество и мировая система

От «общества» к «мировому сообществу». Развитие мировой капиталистической и мировой экономической систем. Понятие «цивилизации».

Сегодня понятие «общество» стало более широким, чем подразумевалось ранее. Действительно, под обществом можно понимать отдельную страну, а можно - все страны мира. При этом неизбежен переход от отдельно взятого общества, рассматриваемого в единстве его территориальных границ (страна) и политического устройства (государство), к мировому сообществу или мировой системе, подразумевающей все человечество как сущностное целое. В этом случае мы говорим о **мировом сообществе**.

Представление о глобальном или, как сегодня принято говорить, **планетарном** единстве всех людей существовало не всегда. Оно появилось только в XX веке. Мировые войны, землетрясения, международные конфликты дали почувствовать всем людям общность своей судьбы, зависимость друг от друга, ощущение того, что все они - пассажиры одного корабля, благополучие которого зависит от каждого из них. Ничего подобного в прежние века не происходило. Еще несколько столетий назад трудно было представить, что проживающие на земле люди, будут объединены в какую-либо единую систему, поскольку и тогда, и в прошлом человечество представляло собой чрезвычайно разнообразную совокупность различных общностей, составленную из изолированных - орды, племена, царства, империи, - имевшие независимые друг от друга культуру экономику, политику.

С конца XIV века, в последовавшей эпохе великих географических открытий, когда европейцам стали известны даже самые отдаленные уголки планеты, запустился процесс создания мировой системы (хотя начало было положено раньше). Уже в конце XX века можно было говорить лишь о географической отдаленности или отдельном существовании стран и континентов. В социальном, политическом и экономическом смыслах планета представляет собой единое пространство.

В начале XXI века можно утверждать, что Организация Объединенных Наций (ООН) выступает «Центральным органом управления» мирового сообщества. Она объединяет почти все страны, оказывает гуманитарную помощь, охраняет культурные памятники и посылает миротворческие силы («Голубые каски» ООН) практически во все уголки Земли. Сегодня в составе мирового сообщества образуются региональные объединения типа Европейского Сообщества (ЕС), куда входят более 20-ти стран с более 450 млн. человек, объединенных экономическим, валютным и политическим союзом. Сообщество имеет исполнительные органы и Европарламент.

Существует точка зрения, что главным фактором в развитии мировой цивилизации становится тенденция к **единообразию**. Средства массовой информации (СМИ) превращают нашу планету в «большую деревню». Миллионы людей становятся свидетелями событий, произошедших в разных местах, миллионы приобщаются к одному и тому же культурному опыту

(олимпиады, рок-концерты), что унифицирует их вкусы. Повсюду в ходу одни и те же концерты, потребительские товары и др. Миграция, временная работа за границей, туризм знакомят людей с образом жизни и нравами других стран.

Наш мир постепенно превращается в глобальную коммуникационную систему, в которой общества распадаются на отдельные группы, перетекающие, в зависимости от меняющихся жизненных приоритетов, из одной социальной сети в другую. Возможно, что для описания новой ситуации больше подходит термин «обществ-сетей», где происходит непрерывный обмен информацией и которые не замкнуты, благодаря глобальным сетям, в своих государственных границах.

Так, к примеру, в результате присоединения России к мировому информационному сообществу главным содержанием социального взаимодействия в российском обществе, становится непрерывный обмен информацией. Это положение его автор - А.Н. Качеров - обосновал с помощью результатов эмпирического исследования, в итоге приведших к следующим выводам:

- с момента прорыва информационных потоков в Россию (начиная приблизительно с 1989-1992 гг.) наблюдается сокращение числа прямых контактов или так называемого «face-to-face» взаимодействия; увеличилось число контактов с помощью средств связи (телефон, факс, компьютерные сети);

- наблюдается экспоненциальный рост «искусственного» взаимодействия на основе радио и телевидения;

- личные контакты между индивидуумами сокращаются по количеству и по продолжительности времени в связи с тем, что возросшая скорость информационных потоков заставляет людей избегать излишней эмоциональной нагрузки и затрат энергии при личных контактах.

Вхождение России в систему мировых коммуникаций в определенной степени (в какой предстоит выяснить исследованиями), - изменило традиционный уклад жизни, свойственные ей каналы и способы общения. Современный житель крупного мегаполиса имеет в своем распоряжении все необходимые средства коммуникации и подключен к глобальной сети коммуникаций. Чем больше вызовов в сеть он принимает или осуществляет, тем больше соответствует образу жизни, принятому в мировом информационном сообществе. Старое содержание коммуникаций - научные беседы, жалобы и перебранка, разговоры с друзьями, административные или деловые переговоры - представлено сегодня в новой технологической форме.

Доиндустриальное общество представляло собой чрезвычайно пеструю, разнородную мозаику, составленную из изолированных социальных единиц: племен, царств, империй и появившемся относительно недавно национальным государством. Каждая из этих единиц имела самодостаточную экономику, собственную культуру. Современное общество совсем иное. В политическом плане существуют наднациональные единицы различного масштаба: политические и военные блоки (НАТО), сферы влияния (бывший

социалистический лагерь), коалиции правящих групп («Большая восьмерка»), континентальные объединения (Европейское сообщество), всемирные международные организации (ООН, ВБ, МВФ, ВТО, ВОЗ и др.). Уже проявляются контуры «всемирного правительства» в лице Европейского парламента и ИНТЕРПОЛа. Усиливается роль региональных и мировых экономических соглашений. Наблюдается глобальное разделение труда, растет роль многонациональных и транснациональных корпораций, которые нередко обладают доходом, превышающим доход среднего национального государства. Такие компании, как Тойота, Макдональдс, Пепси-Кола или Дженерал Моторс утратили национальные корни и действуют по всему миру. Финансовые рынки реагируют на события молниеносно. В культуре доминирующей становится тенденция к единообразию. Формируется единый или, по крайней мере, общепринятый разговорный язык - английский. Компьютерные технологии разносят одни и те же программы по всему свету. Западная массовая культура становится универсальной, а местные традиции размываются.

Наряду с термином **«мировое сообщество»** в науке широко используются и другие понятия, обладающие своими отличительными особенностями. Речь пойдет о **«мировой системе»**, **«мировой экономической системе»**, **«мировой империи»**, **«цивилизации»**.

Термин **«мировая система»** ввел в научный оборот Иммануил Валлерсстайн. Он полагал, что привычное слово «общество», взятое учеными из обыденной практики, слишком неточное, поскольку его почти невозможно непротиворечивым способом отделить от термина «государство». Вместо того и другого он предложил понятие «историческая система», благодаря которому, как он считал, наконец-то воссоединятся два рода наук - исторические и социальные. Старый термин «общество» их разъединял, а новый их призван объединить. В понятии «историческая система» уживаются социологический и исторический взгляды на мир. Кроме него о мировом обществе писал Никлас Луман. Он определял общество через коммуникацию и коммуникативную досягаемость. При этом единственной закрытой системой, не являющейся частью другой, построенной на принципах коммуникации, является только мировое общество.

И. Валлерсстайн и Н. Луман считаются одними из влиятельных теоретиков концепции мирового общества. Процессы возникновения и воспроизводства неравенства они ставят в центр своей концепции.

Согласно И. Валлерсстайну существуют всего три формы или разновидности исторических систем, которые он назвал **мини-системами**, **мировыми империями** и **мировыми хозяйствами** (хотя можно выделить и другие их разновидности).

Мини-системы - небольшие по размерам, недолговременные (жизненный путь примерно шести поколений) и гомогенные с культурной точки зрения рождающихся и умирающих мировых империй, полагает

И. Валлерстайн. Мировые экономики в то время были еще слишком слабыми, чтобы конкурировать с тремя формами «исторических систем».

Примерно в 1500 г. из консолидации разрозненных мировых хозяйств, уцелевших после очередного нашествия мировых империй, родилась *современная мировая система*. С тех пор «она достигла своего полного развития как капиталистическая система. По своей внутренней логике это капиталистическое мировое хозяйство затем расширилось и захватило весь земной шар, впитывая в себя все существующие мини-системы и мировые империи. Таким образом, к концу XIX в. впервые в истории на Земле оказалась только одна историческая система. Мы до сих пор существуем в этом положении».

Теория мировой системы, созданная И. Валлерстайном в середине 70-х годов, позволяет объяснить многие исторические факты, которые не поддавались объяснению традиционной теории общества. Несомненно, весьма эвристична гипотеза циклического возникновения и распада мировых империй, в число которых необходимо отнести и нашу страну, принимавшую форму то царского самодержавия, то советского тоталитарного государства. Из вечного круговорота исторических форм общества следует не только неизбежность распада социальных гигантов и возникновения социальных карликов. Но также гипотеза о внутренней нестабильности «слабо упакованных», неплотных по удельному весу грамма «социального вещества» на единицу площади мировых империй. Внутренняя культурная разнородность не позволила просуществовать СССР до третьего тысячелетия, несмотря на жесткий внешний политический контроль.

Весьма зыбкой и неустойчивой системой являлись все мировые империи. Что такое империя монголов в XIV веке, куда входила покоренная Русь, как негетерогенное и внутренне противоречивое объединение, где власть держалась только «на штыках»?

Если множество территорий объединено только тем, что с них собирают налоги или дань, то такое объединение обречено на распад. Не спасает даже наличие единого политического центра и органов управления. Хотя русские князья ездили в Орду испрашивать грамоту на правление, данный ритуал оставался пустой формальностью, поскольку никто из монгольских «топ-менеджеров» никогда не вмешивался во внутренние дела удельных князей.

Мировые империи включали несколько территорий, объединенных военной и политической властью. Империи инков, Александра Македонского, Дария I, Наполеона, наконец СССР, который также относят к типу мировых империй, представляли очень разнородные (культурно, социально, экономически, реже - религиозно), обширные по территории, политически непрочные образования. Они создавались принудительно и быстро распадались.

Европейцы давно уже вели торговлю с заморскими территориями. И занимаясь ведением хозяйства, включавшим эти связи, получили в итоге

единую экономику. Именно они стали создателями новой формы «исторической системы» - мировой системы. Со временем по всему миру люди попали в европейскую сферу влияния. Начало европейской гегемонии прослеживается с крестовых походов - христианских военных экспедиций, предпринятых между XI и XIV вв. в целях отвоевания «священной земли» у мусульман. Итальянские города-государства использовали их для расширения торговых путей. В XV в. Европа установила регулярную связь с Азией и Африкой, а затем и с Америкой. Европейцы колонизировали другие материки, приезжая в качестве моряков, миссионеров, купцов, чиновников. Открытие Америки Колумбом навсегда соединило Старый и Новый Свет. Испания и Португалия добывали в чужих странах рабов, золото и серебро, отесняя туземцев в глухие районы.

С освоением территорий, расположенных далеко за пределами Европы, изменился не только характер экономических связей, но весь уклад жизни. Если раньше, буквально до середины XVII в., рацион питания европейца составляла продукция местного хозяйства (то, что было выращено внутри континента сельскими жителями), то в XVIII и XIX вв. в ассортимент предметов, в первую очередь высшего класса, который всегда идет в авангарде прогресса, входит импорт. Одним из первых заморских товаров стал сахар. После 1650 г. его употребляют в пищу не только высшие слои, но также средние, а затем и низшие (на столетие раньше похожая история случилась с табаком). К 1750 г. даже самая бедная английская семья могла попить чай с сахаром. Из Индии, где впервые производственным способом получили сахар, европейцы завезли его в Новый Свет. Климат Бразилии и Карибских островов создавал идеальные условия для выращивания сахарного тростника. Европейцы основали здесь плантации, удовлетворяя растущий спрос на сахар по всему миру. Спрос на сахар и его предложение привели к созданию международного рынка, а в след за этим - к работорговле. Дешевая рабочая сила (ее источником выступала Африка) нужна была для растущей плантационной экономики. Сахар и хлопок являлись основными предметами международной торговли, связав между собой континенты.

В XVII в. сложились два торговых треугольника, включающих в себя торговлю сахаром и рабами. Во-первых, производимые Англией товары продавались в Африке, а африканские рабы продавались в Америке, в свою очередь, американские тропические товары (особенно сахар) продавались Англии и ее соседям. Во-вторых, спиртные напитки из Англии кораблями доставлялись в Африку, африканские рабы - на Карибы, а черная патока (из сахара) посылалась в Новую Англию для изготовления спиртных напитков. Труд африканских рабов увеличивал американское богатство, которое большей частью возвращалось в Европу. Продукты, выращенные рабами, потреблялись в Европе. Сюда из Бразилии шли кофе, краски, сахар и пряности. Из Северной Америки - хлопок и спиртное.

Постепенно международная торговля превратилась в господствующий фактор развития. При этом сам капитализм стали определять как экономическую ориентацию на мировой рынок в целях получения дохода. Сложилось понятие **мировой капиталистической экономики** - единой мировой системы, вовлеченной в производство для продажи и обмена, в которой главенствовала цель увеличения прибыли, а уж затем обеспечение благосостояния народа. Современный мир - это мировая система, базирующаяся на капитализме, поэтому она и называется «капиталистическая мировая система». Как считает И. Валлерсстайн, единицей анализа современной мировой системы является капиталистическое мировое хозяйство.

Мировая экономическая система - совокупность территорий или стран, объединенных экономическими связями. Это понятие шире, чем мировая капиталистическая экономика, поскольку включает в свою орбиту страны с капиталистическим и некапиталистическим хозяйством, но уже, чем понятие мировой системы. К типу мировых экономических систем можно отнести существовавший в прошлом «социалистический лагерь», в который в 60-80-е годы входили СССР, Куба, Румыния, ГДР, Югославия, Польша, Болгария, Венгрия, Вьетнам. Между этими странами существовало международное разделение труда, кооперация и экономический обмен в рамках Совета экономической взаимопомощи (СЭВ). Другой тип мировых экономических систем - Мировая капиталистическая экономика, которая существует около 500 лет. В ее среде появились транснациональные корпорации (ТНК), которые находятся вне контроля единого правительства. Они свободно перебрасывают огромные капиталы через государственные границы.

В широком смысле мировая система включает все ныне существующие на планете страны. Она получила наименование мирового сообщества.

Итак, на глобальном уровне общество превращается в **мировую систему**, которую еще называют **мировым сообществом**. Различают две формы подобной системы - **мировые империи** (множество территорий, политически объединенных в одно государственное образование) и **мировые экономические системы** (страны, развивающие сходную экономику, но политически в одно государство не объединенные).

К типу мировых или глобальных систем относятся цивилизации. Но в отличие от мировой системы, цивилизация отражает социокультурный, а не экономический и политический аспект развития человечества. Это понятие (цивилизация) как мировая империя или мировая система шире, чем «страна» или «государство». О ней также целесообразно говорить отдельно.

Цивилизация, как и предшествующие понятия, отражает глобальный уровень человеческого общества, на котором происходит интеграция социальных систем. О его содержании ученые продолжают еще спорить. Цивилизация понимается ими в двух значениях.

В первом случае цивилизация обозначает историческую эпоху, пришедшую на смену «варварству», иначе говоря, знаменует высший этап

развития человечества. К нему примыкает определение О. Шпенглера цивилизации – как высшей стадии развития культуры, на которой происходит ее окончательный упадок. Оба подхода роднит то, что цивилизацию мыслят исторически, как этап прогрессивного либо регрессивного движения общества.

Во втором случае цивилизацию связывают с географическим местом, подразумевая локальные, региональные и глобальные цивилизации, например, восточную и западную цивилизации. Они различаются экономическим укладом и культурой (совокупностью норм, обычаев, традиций, символов), куда входит специфическое понимание смысла жизни, справедливости, судьбы, роли труда и досуга. Так, восточная и западная цивилизации различаются именно этими принципиальными чертами. Они покоятся на специфических ценностях, философии, принципах жизни и образе мира. А в рамках таких глобальных понятий формируются конкретные различия людей в поведении, манере одеваться, типах жилища.

Сегодня ученые согласились, что первый и второй подходы применимы только к обществам, стоящим на достаточно высокой ступени различия, где бы географически они ни размещались. В таком случае вне цивилизации оказываются, в частности, примитивные общества Полинезии и Океании, где до сих пор существует первобытный образ жизни, нет письменности, городов и государства. Получается своеобразный парадокс: культура у них есть, цивилизации нет (там, где нет письменности, нет и цивилизации). Таким образом, общество и культура возникли раньше, а цивилизация позже. За всю историю существования в условиях цивилизации человечество жило не более 2% времени.

Соединение места и времени дает поразительно богатую палитру цивилизаций. Исторически известны, в частности, Евразийская, восточная, европейская, западная, мусульманская, христианская, античная, средневековая, современная, древнеегипетская, китайская, восточнославянская и другие цивилизации.

И. Валлерстайн разделил мировую систему на три части:

- ядро,
- полупериферия,
- периферия.

Ядро - страны Западной Европы, Северной Америки, Японии - включает самые сильные и могущественные государства с совершенствованной системой производства. У них больше всех капиталов, самые качественные товары, самые сложные технологии и средства производства. Дорогую и высокотехнологичную продукцию эти страны экспортирует в периферию и полупериферию.

Государства полупериферии и периферии - это страны так называемого «второго» и «третьего» мира. У них меньше власти, богатства и влияния.

Термин **«третий мир»** применили в 1952 г. французы для описания группы стран, которые в эпоху холодной войны между США и СССР (соответ-

ственно первым и вторым миром) не присоединились не к одной из враждующих сторон. Среди них были Югославия, Египет, Индия, Гана и Индонезия. Во второй половине 50-х годов термин приобретает более широкое значение. Он стал обозначать все слаборазвитые страны. Таким образом, его смысл наполнился не географическим, а экономическим содержанием. К слаборазвитым странам начали относить всю Латинскую Америку, всю Африку (исключая ЮАР), всю Азию (за исключением Японии, Сингапура, Гонконга и Израиля). А некоторые страны, такие как страны Африканской Сахары, Гаити и Бангладеш, обремененные чрезмерной бедностью и нищетой, и вовсе были зачислены в разряд четвертого мира. Их отделили от третьего мира, который уже выбрался на путь экономического прогресса.

Страны периферии - это самые отсталые и бедные государства Африки и Латинской Америки. Они считаются сырьевым придатком ядра. Полезные ископаемые добываются, но не перерабатываются на месте, а экспортируются. Большая часть прибавочного продукта присваивается иностранным капиталом. Местная элита вкладывает деньги за пределами своего государства, она поступает на службу иностранному капиталу и обслуживает только его интересы (даже если эти люди не уезжают за границу). Политические режимы нестабильны, часто происходят перевороты, постоянно возникают социальные и национальные конфликты. Высший класс не отделен от низшего широким слоем среднего класса.

Поскольку их благополучие зависит от экспорта сырья, технологии и капиталы поступают только извне. Правительства, чаще всего это диктаторские или авторитарные режимы, существуют и способны более или менее разумно управлять страной до тех пор, пока приходят иностранные инвестиции. Но и западная помощь часто оседает в карманах госчиновников или на их заграничных счетах. Такие правительства нестабильны, они то и дело развязывают международные конфликты, внутренние войны и мятежи. Подобное достаточно часто происходит, например, в странах Латинской Америки.

Вопросы по теме

1. Какие можно выделить этапы в развитии мировой капиталистической системы.
2. С чем связано введение в терминологию международных отношений понятия «третий мир»
3. Каковы подходы к пониманию цивилизации?
4. Какие существуют разновидности, исторических систем согласно И. Валлерсстайну.

Тема 2. Современный международный порядок

Международный порядок. Иерархия. Элементы поведения государств в рамках международного порядка. Механизмы регулирования и режимы международного порядка.

Словосочетание «международный порядок» применяют в самых разнообразных и часто противоречащих друг другу значениях, тем самым внося определенную неясность в его понимание и применение. Под **международным порядком** (в данном пособии) будем подразумевать систему отношений, складывающуюся между всеми странами мира, совокупность которых будем именовать *международным сообществом*. Отношения между членами международного сообщества и значит международный порядок определяются взаимодействием разнородных факторов, наиболее важную роль среди которых играет соотношение совокупных потенциалов отдельных стран и построенная на нем иерархия, а также взаимное положение в различных сферах. И конечно взаимоотношения между ними, чаще всего понимаемые как властные отношения.

Подходы к пониманию (истолкованию) «международного порядка» и их развитие. Выделяют три основных интерпретации «международного порядка»: реалистический, социально-конструктивистский и институциональный. Для первого характерен учет соотношений потенциалов между основными субъектами международного сообщества. Для второго - интерес к правилам поведения между ними. Для третьего - упор на инструментарий регулирования, основой которого выступают международные институты в качестве механизмов межгосударственного сотрудничества, способных оказывать сдерживающее влияние на поведение отдельных стран в интересах сообщества в целом. Все три подхода в чем-то противоречат, а кое в чем дополняют друг друга в соответствии с тем, как в реальности регулирование международных отношений осуществляется при помощи материально-силовых, идейных и информационных импульсов.

Воздействие материально-силовых импульсов относительно преходяще - соотношение возможностей между странами меняется, могущество одних стран бесследно исчезает и складывается могущество других. Влияние идейных и информационных импульсов способно накапливаться и оказывать хотя и более слабое на первых порах, зато более долгосрочное, чем фактор силы, воздействие на поведение государств. Влияние институциональных факторов вообще очень подвижно и способно расти или уменьшаться в зависимости от того, интенсивнее или слабее воздействуют собственно силовые факторы. Факторы материально-силового свойства четко проявляются в кратко- и среднесрочной перспективе, идейные и информационные - в долгосрочной. А институциональные факторы колеблются вокруг некоего уровня, ни разу не становившегося определяющим в истории международных отношений для международного порядка.

Интерпретации международного порядка в реалистической традиции отражены в классических трудах Г. Моргентау, Р. Арона и К. Уолтса. Ключевым для их построений было понимание порядка как горизонтального временного среза международных отношений, их «объективно заданного состояния», которое в каждый момент определялось соотношением потенциалов

между великими державами. Причем сами державы имели не всегда адекватное и официально заявленное представление об этом соотношении и соизмеряли свои действия с их вероятными последствиями. Эти идеи были главенствующими в науке о мировой политике после Второй мировой войны на протяжении двух десятилетий.

В 80 - 90-е годы XX в. реалистические интерпретации, господствовавшие в годы «холодной войны», в следствии конфронтации между мировыми капиталистической и социалистической системами, подверглись критике. Популярными стали трактовки отождествления порядка с введением «правил благоразумного поведения», соблюдение которых было бы обусловлено не страхом перед возмездием со стороны более сильного соперника (соперников), а добровольным законопослушанием субъектов, их готовностью без принуждения следовать условиям «кодекса», который они формально (в виде Устава ООН) или неформально вырабатывали бы между собой в процессе общения. Эти критические версии не представляли собой в чистом виде теории идеалистического подхода. Они строились на прагматичном сочетании либерального подхода с идеями социального конструктивизма, соотносимыми с элементами анализа в духе политического реализма.

В 1990-х гг. известность приобрела концепция американского ученого Л. Миллера, считающего главным признаком международного порядка присутствие в мировой системе единого основополагающего принципа, которым сознательно или стихийно руководствуются государства. Миллер полагает, что с середины XVII в. и до Первой мировой войны в мире существовал всего один порядок; автор называет его вестфальским (по Вестфальскому миру, положившему конец Тридцатилетней войне в Европе и послужившему началом нового порядка). Основанием для такого обобщения ученый счел то обстоятельство, что в основу международных отношений всего данного периода был заложен принцип «разрешительности» (франц. *laissez-faire* — позволять делать) или «невмешательства». Миллер отмечает, что в самом широком смысле концепция разрешительности предполагает, для общего блага лучше всего предоставить наибольшую меру свободы и возможности индивидуальным лицам в обществе служить собственным интересам. Такой принцип предполагал отказ одного государства от попыток помешать другому государству в осуществлении его целей во всех случаях, когда это не касается непосредственно жизненных интересов первого.

Антипода подобной политики Миллер видел в «вильсоновском» принципе международного регулирования, впервые представленном В. Вильсоном в 1918 г. Этот принцип воплотился в «интервенционистской» политике Лиги Наций, затем - ООН, а со второй половины 1990-х гг. и до настоящего времени — есть все основания продолжить рассуждение автора — Соединенных Штатов Америки и ситуативных коалиций, которые они создают. В отличие от реалистов Миллер понимает «порядок» не как «устройство» и «состояние», а как «образ действия» и «процесс».

Похожим образом пояснял международный порядок и британский исследователь Р. Купер. Отталкиваясь от классической работы Х. Булла «Анархическое общество: исследование порядка в мировой политике», он предложил несколько возможных интерпретаций «порядка». Во-первых, таковым может считаться преобладающий тип внешнеполитического поведения государств (англ. *pattern of actions*) независимо от того, служит ли оно упорядочению или дезорганизации системы; во-вторых, порядок способен означать определенную степень стабильности и целостности системы; в-третьих, его можно понимать как «правила, которые управляют системой и поддерживают ее в состоянии стабильности; моральное содержание, воплощающее идеи справедливости и свободы».

Во многом Миллер и Купер предстают последователями известного американского ученого Р. Гилпина, в работах которого еще в начале 1980-х гг. были сформулированы развиваемые ими на более позднем материале представления о том, что **системный порядок** в международных отношениях определяется прежде всего наличием **свода правил поведения**; именно изменение этих правил вызывает смену одного порядка другим.

Окончание «холодной войны» и крушение биполярной системы не привело к явному теоретическому преобладанию либеральной школы, как того можно было ожидать, вследствие упрощенного понимания вывода (приписываемого Ф. Фукуяме) о «безоговорочной победе» политического либерализма во всемирном масштабе. Общая тенденция в теории международных отношений (ТМО) выразилась в появлении синтетических интерпретаций, соединявших в себе достоинства всех разработанных к началу XXI в. подходов.

Признаки синтетического понимания международного порядка можно найти у высших руководителей внешнеполитических ведомств, являющихся приверженцами политического реализма. Так в первую очередь следует вспомнить классическое замечание Г. Киссинджера еще в 1970-е гг. утверждавшего, что мир невозможно обеспечить без равновесия (реалистическое и структурное понимание), а справедливость - без самоограничения (социально-конструктивистский подход, как бы сказали в 1990-е гг.). Но время творческого расцвета этой личности не дало материала для выработки по-настоящему универсалистской схемы анализа международного порядка. Этот материал предоставила реальность более позднего периода.

Одна из первых успешных попыток создать синтетическое видение международного порядка была осуществлена в 2001 г. в книге американского ученого Дж. Айкенберри «После победы. Институты, стратегическая сдержанность и перестройка порядка после больших войн». Айкенберри считает ключевым признаком международного порядка наличие общепризнанных правил и принципов, которыми субъекты руководствуются в отношениях между собой. Он вводит понятие

конституционности/неконституционности тех или иных международных порядков, подчеркивая, что порядок, опирающийся только на соотношение сил, неконституционен. Принцип конституционности, согласно Айкенберри, воплощается в основанной на уставах или договорах деятельности международных организаций и других институтов межгосударственного взаимодействия, в чьи задачи входит обеспечение более справедливой, равномерной представленности интересов менее сильных стран при принятии важнейших международных решений, которые чаще всего вырабатываются самыми мощными государствами «эгоистично» и в расчете лишь на собственные национальные интересы.

В отличие от «трехчастной» схемы международного порядка (потенциалы - идеи - механизмы), обозначенной в начале темы, предложенная Айкенберри аналитическая модель бинарна: для его понимания международного порядка значимо прежде всего соотношение двух элементов - идей и институтов, с одной стороны, и мощи государства-гегемона - с другой. В истории международных отношений этот автор выделяет три типа международного порядка - **равновесный, гегемонический и конституционный**. Не испытывая, очевидно, интереса к первому, он озадачен взаимоотношением второго с третьим, с достойным доброго реалиста здравомыслием замечая: международный порядок не обязательно подразумевает действия сторон по согласованным правилам. Международный порядок способен воплощать практику поведения сильнейшей страны, действия которой в данном случае могут сами по себе становиться правилом как нормой, закреплённой цепью прецедентов: «Сила преобразуется в право, а принуждение - в долг».

При этом роль институтов конституционного регулирования важна на этапах или упадка государства-гегемона, или его раннего восхождения, когда институты в состоянии оказывать максимальное влияние на международную ситуацию. Наоборот, в ситуации пребывания гегемона в зените могущества он способен безнаказанно игнорировать упорядочивающие импульсы со стороны «конституционных» институтов. Тогда институты, если они ощущают свою слабость, могут уступать гегемону (гегемонам) главенствующую роль в формировании порядка - на основе либо гегемонии, либо равновесия. По Айкенберри, «политический порядок - это базовое согласие (англ. *arrangement*) между группой государств относительно их руководящих правил, принципов и институтов».

Очевидно, что и Айкенберри понимает порядок скорее как порядок принятия решений («образ действия»), чем порядок положения дел («состояние»). Отдавая должное данной схеме, важно заметить ее ограниченность с точки зрения прикладного анализа. Подразумеваемая наличие иерархии в международных отношениях, которая сама воплощает некий порядок, здесь выводится за рамки анализа сама эта иерархия. Теоретически схема Айкенберри в целом логична и соразмерна. Однако в прикладном анализе она недостаточно функциональна, поскольку для уяснения сущности

порядка необходимо понимать не только особенности принятия решений внутри иерархии, но и выявить возможности влияния на эту иерархию, изучить имеющийся ресурс для ее изменений или, например, ресурс сопротивления таковым. Иначе говоря, для осмысления современной международной ситуации распознавание прочности позиции каждого субъекта и их взаимного положения в иерархии столь же важно, как и правила, которыми тот или иной из них руководствуется либо должен руководствоваться, но почему-то этого не делает.

В силу вышеизложенного целесообразно включить в схему анализа международного порядка такие элементы, как:

1. Наличие признаваемой иерархии между субъектами международных отношений, включая и государства, и новые субъекты международной политики;
2. Совокупность принципов и правил внешнеполитического поведения;
3. Система принятия решений по ключевым международным вопросам, охватывающая механизм представительства интересов низших участников иерархии при принятии решений на высших ее уровнях;
4. Набор морально допустимых санкций за их нарушения и механизмов применения этих санкций;
5. Формы, методы и приемы осуществления принятых решений - режим реализации международного порядка.

В международных отношениях сегодня присутствуют все элементы, обозначенные в этой схеме, что позволяет считать их в целом упорядоченными.

Иерархия и новые элементы поведения государств в рамках международного порядка.

Для характеристики современного международного порядка наибольшее значение имеют несколько положений. Прежде всего - его **иерархичность**. За последнее время сложились два подхода к ее анализу: структурный и режимно-институциональный. Для *первого* типично исследование иерархии сквозь призму полярности. В этой логике ключевым является вопрос о том, сколько полюсов влияния имеется в современном мире и какой из них главный (исчерпывающий разбор российских дискуссий по вопросу о международном порядке представлен в книге Т.А. Шаклеиной «Россия и США в новом мировом порядке. Дискуссия в политико-академических сообществах России и США (1991—2002)). Дискуссии вращаются вокруг двух версий: сторонники одной из них стремятся отыскать в современных международных отношениях признаки многополярности, а приверженцы другой указывают на черты однополярности современной международной системы, одновременно выдвигая несколько версий ее понимания.

Особенностью построений сторонников многополярного видения среди ученых была созвучность их предположений в 1992-1999 гг. официальной позиции Российской Федерации, руководство которой, в лице бывшего президента Б.Н. Ельцина и занимавшего пост министра иностранных дел Е.М. Примакова, начиная с 1996 г., подчеркивало в официальных выступлениях

многополярный характер современного мира. В апреле 1997 г. в Москве была подписана российско-китайская Декларация о многополярном мире и формировании нового международного порядка. Этот документ оказывал большое влияние на официальную терминологию российской дипломатии в конце 1990-х гг. Он представлял официальную точку зрения в момент, когда эта оценка была призвана символизировать несогласие России с практикой одностороннего произвольного принятия важнейших решений, которой пользовались США и страны НАТО во время двух волн конфликта в Югославии (1995-1996 гг. в Боснии и 1998-1999 гг. в Косове).

Вместе с тем уязвимость тезиса о многополярности была очевидна. Его сторонники в подтверждение своей гипотезы указывали: после распада Советского Союза и исчезновения «классической биполярности» наряду с Соединенными Штатами в мире существовали одновременно несколько полюсов мощи и влияния — «объединенная Европа», Китай и Россия. Взаимодействие этих субъектов и определяло многополярную конфигурацию мира. Сознательно избегая давать определение многополярности, авторы этой группы по сути дела уходили от исследования реальной ситуации, вместо этого предлагая некий эмоционально окрашенный образ желанного будущего.

Осторожная критика концепции многополярности велась по методологическим основаниям. Акцент в ней делался на вопросе о критериях. В 1993 г. в отечественной литературе были предложены рабочие определения многополярности, биполярности и однополярности. Под биполярностью следовало понимать структуру международных отношений, для которой характерен *резкий отрыв* каких-либо двух членов международного сообщества от всех остальных стран по совокупности своих военно-политических, экономических, научно-технических и иных возможностей, а также по потенциалу идейного влияния в международных отношениях. Соответственно под многополярностью в таком случае понималась структура мира, для которой характерно наличие нескольких полюсов-центров, *сопоставимых* между собой по соответствующим потенциалам, - именно так обстояло дело в период «европейского концерта» XIX в. Следовательно, ситуация, для которой оказывается типичным «уход в отрыв» по показателю совокупной мощи всего одной страны должна указывать на возникновение той или иной формы однополярности.

На базе такой логики анализа в 1996 г. была изложена концепция «плюралистической однополярности», а в 2000 г. — российский вариант идеи «глобального демократического мира» или «глобального *Pax Democratica*», каждая из которых представляла собой соответственно, структурно-реалистическую и либерально-идеалистическую версии сходного по сущности видения ситуации.

Согласно идее «плюралистической однополярности», мир после распада биполярности не превратился в чисто американский мир, *Pax Americana*, потому что роль единственного полюса в нем заняли не одни Соединенные

Штаты, а США в плотном окружении своих ближайших союзников в лице «группы семи». Члены этой группы, хотя не обладали возможностями, сравнимыми с американскими, все же имели возможность умерять амбиции США, немного менять их направление и влиять на поведение этой державы в той мере, в которой им это удавалось в рамках плюрализма, не подкрепленного равенством возможностей.

Концепция «*Pax Democratica*» тоже исходила из идеи не единоличного, а «группового полюса», и тоже в принципе включала в его состав страны «группы семи». Но в ней акцент делался на принадлежности стран полюса не к группе наиболее развитых и влиятельных государств планеты, а к кругу демократических государств. Подразумевалось, что «группа семи», состоящая из демократических стран, объективно действует «по мандату» всех демократий в интересах демократического мира как целого. Такая трактовка была шире, чем та, что предлагалась «плюралистической однополярностью». Она акцентировала приверженность общим демократическим ценностям, благодаря которым достигалось единство «группового полюса».

Концепции однополярности широко используются в политическом анализе, поскольку они дают адекватное понимание реальности независимо от эмоционального («приятие — неприятие») отношения к ней. Несоответствие гипотезы многополярности международным реалиям в начале XXI в. стало настолько очевидным, что с приходом Президента В.В. Путина российское руководство сочло необходимым скорректировать ее официальные трактовки. В современной интерпретации термин «многополярный мир» применяется в официальном лексиконе Российской Федерации для обозначения вектора эволюции международной системы, внутри которой с течением времени, как можно ожидать, вероятно ослабление относительной мощи США при сравнительном возрастании совокупных потенциалов Китая, России и, вполне возможно, некоторых других членов международного сообщества, включая (в более отдаленном будущем) Европейский союз.

В начале XXI в. приобрел осязаемое влияние *режимно-институциональный* подход к анализу международного порядка. Он развился из структурного подхода в том смысле, что принял за отправную точку разработанный в его рамках тезис о наступлении однополярного мира. Приняв этот вывод за данность, приверженцы режимного подхода стали в дальнейшем осмысливать международный порядок, пользуясь понятиями социологии и политической теории.

Согласившись, что в условиях однополярности мир в известном смысле приобретает некие черты целостного мирового «протогосударства», управляемого из единого центра, некоторые ученые предложили исследовать этот мир путем выявления природы подобной власти, ее форм, регулирующих механизмов, преобладающих режимов управления, правил и практик. При такой постановке проблемы в центр внимания исследователей должны были попасть вопросы «нового мирового строя» - феодального, демократического, либерального и т. д., как если бы речь шла о порядке внутри одного общества.

Следуя вышеназванному комбинированному подходу, проще ответить на вопрос о природе *современной международной иерархии*, поскольку с позиции и структурного, и режимно-институционального подходов руководящим «верхом» таковой де-факто признаются Соединенные Штаты Америки как единственный комплексный лидер современного мира, хотя де-юре это главенство не признается одними (КНР) и оспаривается другими (Россия) важнейшими игроками международной политики.

Особенность современной иерархии в том виде, в котором она сложилась в 1992—2003 гг., состоит в том, что США в ней занимают положение лидера, оставаясь окруженными ближайшими союзниками в лице государств НАТО и Японии. С этой точки зрения уместно было бы говорить о наличии в мире группового лидерства либо ведущих стран НАТО, либо государств «группы семи», в которую за последние годы фактически интегрирована Россия.

Однако с 2001 г. структура такого группового лидерства стала меняться. Началась внутрigrупповая сегрегация американских партнеров: отношения Великобритании и Японии с Вашингтоном оказались более тесными, а политическое сотрудничество между США, Францией и Германией стало несколько более ограниченным.

Российская Федерация после распада СССР с большим трудом сумела в начале XXI в. посредством сближения с Западом в своем новом качестве снова приобщиться к группе наиболее влиятельных стран. Но она фактически выступает в роли партнера США только *избирательно*. По многим вопросам РФ поддерживает Вашингтон, по некоторым (интервенция НАТО 1999 г. в Косово, война 2003 г. в Ираке) дистанцируется от него, при этом *стремясь сохранить общий ход развития российско-американских отношений в рамках партнерского вектора*.

Китай не входит в группу политических лидеров современного международного порядка, но оказывает на него влияние благодаря наличию быстро растущего экономического потенциала, статуса мощной военной державы регионального уровня, а также колоссального ресурса народонаселения, способного в перспективе обеспечить Китаю решающее воздействие на глобальные демографические и миграционные процессы и — в меньшей степени — на международную торговлю. Спектр политического сотрудничества КНР с «группой восьми» ограничен. В рамках устоявшегося порядка Китай представляет собой «играющую по правилам» оппозицию, к которой он старается привлечь Российскую Федерацию, убедив ее выйти за рамки ориентации на преимущественное развитие сотрудничества с Западом. Вместе с тем Пекин избегает конфронтации с США, расширяя китайско-американские связи, а также сотрудничество с Японией и странами Евросоюза.

Занимая в международно-политической иерархии довольно условное место, Европейский союз играет в международных отношениях заметную упорядочивающую роль с точки зрения выработки *ценностных принципов и правил поведения* государств и внедрения этих правил в практику

межгосударственного общения. Дело не в том, что из недр европейской культуры выросли ценности либеральной демократии, на базе которых развивается современная практика большинства западных стран. Значимо то, что благодаря пяти десятилетиям интеграционного сближения пространство Евросоюза превратилось в главный полигон испытаний жизненности конкретных политических и правовых установлений, которые вырабатываются применительно к ежедневно возникающим новым реалиям, проблемам и ситуациям. Интеграционная практика современной объединяющейся Европы постоянно производит материал, на основе обобщения которого разрабатываются наиболее радикальные и противоречивые либеральные теории, включая те, что касаются актуальнейших политических проблем, таких как современная роль государства в обществе и государственного суверенитета. В сфере международных отношений - приоритета индивидуальных прав человека в сопоставлении с правами группы, а прав человека вообще - с национальным интересом той или иной страны и т.д.

Интеграционные тенденции, вызвавшие в Европе потребность в теоретическом обосновании необходимости и неизбежности «перешагивания» через «комплекс государственного суверенитета» в интересах выработки общей субъектности в рамках Евросоюза, были той благоприятной средой, в которой с готовностью принимались за норму, усваивались важнейшие и одновременно очень конфликтные постулаты о «праве гуманитарной интервенции» и «нелегитимности авторитарных режимов». Хотя политическим инициатором легализации этих постулатов выступили Соединенные Штаты, легализация была бы невозможна без поддержки западноевропейских стран, а последние, разумеется, принимали решения о целесообразности или нецелесообразности согласия с Вашингтоном с учетом опыта интеграционного развития и своих задач в нем.

Если говорить о новых элементах в правилах поведения между государствами в международном порядке, то их прежде всего характеризуют оба вышеназванных постулата — право гуманитарной интервенции и нелегитимность авторитарных режимов. Ни в первом, ни во втором, строго говоря, не содержится ничего принципиально нового. И ранее политики и ученые Запада высказывались в пользу этих принципов, и ряд международных акций был даже обоснован при их помощи. К версиям гуманитарных интервенций можно отнести акцию Вьетнама в 1978 г. для свержения «режима геноцида» (правительство Пол Пота) в Камбодже, вмешательство Индии в 1971 г. в Восточном Пакистане, где в результате сочетания гражданской войны с природной катастрофой возникла угроза катастрофы гуманитарной. Сходным образом выглядела в 1979 г. акция Танзании против Уганды, которая привела к свержению репрессивного режима Иди Амина.

Но все эти ситуации были исключениями в международной практике. Они не получили формального одобрения международного сообщества, а в ряде случаев были осуждены как вмешательство во внутренние дела иностранных государств. Да и сами страны, совершившие интервенции, не претендовали на официальную легитимизацию своих действий, будучи озабоченными тем, чтобы международное сообщество не реагировало на них слишком резко.

Редким случаем «легального» вмешательства по гуманитарным мотивам была интервенция от имени ООН силами пакистанского и американского контингентов в Сомали в 1992 г., где в результате межплеменного раскола возникла ситуация безвластия и «войны всех против всех». Но эта ситуация в военном и политическом смыслах закончилась неудачей, и вопрос о закреплении практики подобных операций на регулярной основе и в качестве общепринятой нормы международного поведения уже не возникал.

Новизна ситуации второй половины 1990-х гг. в том и состояла, что в ходе конфликтов на территории бывшей федеративной Югославии (Босния в 1996 г. и сербский край Косово в 1999 г.) США и страны НАТО стали упорно добиваться легитимизации практики гуманитарных интервенций. Имелось в виду путем создания цепи прецедентов, санкционированных международными организациями, закрепить своего рода новую *универсальную, общепризнанную* норму международной жизни, поддержав ее прямо или косвенно решениями ООН. В полной мере этого достигнуть не удалось.

Правда, в 1995 г. страны НАТО, начиная интервенцию в Боснию, могли формально сослаться на принятую с согласия России резолюцию № 836 Совета Безопасности ООН от 4 июня 1993 г., в самом деле предусматривавшую возможность принятия отдельными странами ООН или их региональными организациями силовых мер, вплоть до нанесения бомбовых ударов, для предотвращения геноцида на этой территории. При голосовании резолюции в 1993 г. подразумевалось, что операции в Боснии будут проводиться под руководством СБ и Генерального секретаря ООН. Но на деле силовые операции были осуществлены странами НАТО вне сотрудничества с ООН.

В 1999 г. из-за противодействия России, учитывавшей опыт развития ситуации в Боснии, добиться принятия в ООН резолюции для легализации вмешательства в Косово странам НАТО не удалось. Но они смогли *post factum* добиться одобрения результатов этой интервенции резолюцией СБ ООН № 1244 от 12 июня 1999 г. Тем не менее говорить о легализации права гуманитарной интервенции преждевременно.

Еще сложнее обстоит дело с легализацией принципа «нелегитимности авторитарных режимов». В разгар боевых действий НАТО против Сербии в Косове весной 1999 г. руководители альянса стали добиваться «делегитимизации» правительства Сербии во главе с С. Милошевичем, чтобы облегчить его отстранение от власти и обеспечить изменение внешнеполитического курса этой страны. Просто объявить Милошевича

«незаконным» президентом было трудно, поскольку, во-первых, он был избран в 1990 г. на многопартийной основе, а, во-вторых, США и страны Западной Европы в течение девяти лет регулярно поддерживали с ним политические отношения и заключали соглашения. Для делегитимизации Милошевича был использован более изощренный способ.

В 1993 г. по решению СБ ООН (резолюция № 827) в Гааге был сформирован Международный трибунал по бывшей Югославии (МТБЮ) для расследования военных преступлений, которые совершались на ее территории. 22 мая 1999 г. в разгар бомбардировок Сербии силами НАТО, от лица МТБЮ Милошевичу было предъявлено обвинение в совершении преступлений против человечества в Косове. Одновременно прокуратура при МТБЮ выдала ордер на его арест. Это был беспрецедентный случай в истории международных отношений: орган международного правосудия предъявил ордер на арест действующего главы суверенного государства, который, таким образом, юридически оказывался «вне закона», если под таковым понимать международное право. Хотя фактически Милошевич предстал перед гаагским трибуналом только в июне 2001 г., уже после своего ухода из власти в Сербии в октябре 2000 г., сам прецедент с его делегитимизацией означал важный шаг к утверждению в международных отношениях нового принципа - принципа избирательной легитимности правительств суверенных государств.

Эта тенденция идет вразрез с принципом невмешательства, на который опирались отношения между государствами со времен Вестфальского мира. Этот принцип сегодня оспаривается, прежде всего США, и западноевропейскими странами. Но широкий круг других государств отказывается признавать законность его нарушения, ссылаясь на множество международных документов, включая Устав ООН, в которых этот принцип закреплен. Российская Федерация не признает уместности отказа от принципа государственного суверенитета и невмешательства во внутренние дела. Поэтому можно говорить о тенденции к «преодолению» принципа суверенности государств как об одной из черт международных отношений, имея при этом в виду, что в качестве локальной, т.е. неуниверсальной, невсеобщей нормы, преодоление суверенитета признается легальной нормой в отношениях между странами-участницами европейской интеграции. Применительно к международным отношениям в целом принцип суверенитета и невмешательства остается основополагающим.

В конкретном случае с Милошевичем вопрос о легитимности увязывался с правами человека. Однако подобный вопрос мог ставиться теми или иными государствами международного сообщества для обоснования необходимости вмешательств и по иным основаниям.

В 2001-2003 гг. мотивации интервенций расширились. Помимо вмешательств по гуманитарным мотивам, как в 1996 - 1999 гг., Соединенные Штаты стали практиковать «интервенции возмездия» («пенитенциарные интервенции») и «превентивные вмешательства». Предпринимая первые, США

заявляли о стремлении «наказать» и одновременно побудить «исправиться» страны, против которых была направлена акция. Начиная вторые, они ссылались на секретные заключения американских спецслужб, согласно которым страна - будущий объект вторжения - занималась деятельностью, способной угрожать безопасности других стран (например, разрабатывала оружие массового уничтожения). Поэтому превентивная интервенция против нее осуществлялась «в целях профилактики опасности». Примером пенитенциарной интервенции была война за свержение режима талибов в Афганистане (2001-2002), поскольку именно талибов обвиняли в укрывательстве руководителя международной организации террористов Усамы бен Ладена. Примером превентивного вмешательства — иракская война 2003 г., поводом для которой послужили подозрения в отношении стремления Багдада создать и начать накопление на своей территории химического и бактериологического оружия.

На базе подготовки и проведения обеих интервенций в 2002 г. была разработана новая внешнеполитическая доктрина США, названная «стратегией смены режимов». Она предусматривала выделение среди стран международного сообщества «неблагонадежных» государств (англ. *rogue states*, позднее - англ. *states of concern*), применительно к которым провозглашалась необходимость открыто добиваться отстранения стоящих там у власти правительств путем разнообразных методов, в том числе при помощи вооруженной силы. В случае согласия с ней других членов Международного сообщества американская доктрина смены режимов фактически могла оказаться в роли универсальной нормы поведения в рамках современного международного порядка. «Неблагонадежные страны» все вместе были названы президентом Дж. Бушем-младшим «осью зла», к которой были отнесены Ирак, Иран и Северная Корея.

Варианты «интервенций возмездия» встречались в международной практике и прежде. Таковой было нападение Китая на Вьетнам в 1979 г., когда КНР, не ставя целью захват Вьетнама, пошла на широкомасштабное применение против него военной силы в целях «наказания» за «гуманитарное» по объективному смыслу вторжение Вьетнама в Камбоджу за год до того. Своими действиями Китай стремился «наказать» Вьетнам и заставить его «исправиться». Сильные страны и в последующие годы не раз практиковали ограниченное (точечное и очаговое) применение оружия против более слабых государств, ссылаясь на необходимость «наказать» их по тем или иным конкретным обвинениям (поддержка терроризма, например). В 1980-е гг. при администрации Р. Рейгана «карательным» бомбардировкам американских ВВС и ВМС подвергалась Ливия. 20 августа 1998 г. в период президентства Б. Клинтона США в рамках «операции возмездия» нанесли серию ракетных ударов по Судану и Афганистану, стремясь разрушить фармацевтический завод, где предположительно производился нервно-паралитический газ, на

суданской территории и предполагаемые базы террористов на афганской земле. Все эти акции были предприняты в обход ООН.

Но 16-22 февраля 1999 г. совместно с Великобританией США начали осуществлять операцию «Лис в пустыне», которая, представляя собой «акцию возмездия» против Ирака, могла быть частично оправдана ссылкой на санкцию ООН. Правда, Совет безопасности ООН (СБ) впрямую не разрешал наносить удар по Ираку, но США и Великобритания в оправдание своих действий указывали на принятую в марте 1999 г. резолюцию ООН № 1154. В ней содержалось положение о том, что отказ Ирака сотрудничать с миссией инспекторов ООН на своей территории может иметь для него «серьезные последствия». Багдад не разрешил инспекторам посетить один из «подозрительных» объектов, что дало основания США и Великобритании предпринять удары по Ираку. Франция и Россия выразили свое несогласие с данной акцией.

Обе эти страны вместе с Германией в 2003 г. выступали и против войны США и Великобритании в Ираке. Соглашаясь с необходимостью разоружить Ирак под наблюдением инспекторов ООН, они считали недопустимым применение против него силы. Тогда американская дипломатия попыталась сослаться в обоснование своей позиции на резолюцию СБ № 1441 от 8 ноября 2002 г. Но этот документ, констатируя нарушение Ираком решений ООН о проведении инспекций на его территории и предупреждая его о вероятности «серьезных мер» в отношении страны, тоже не предусматривал возможности автоматического использования силы против Багдада без повторного рассмотрения данного вопроса в СБ ООН.

Попытка американской администрации подкрепить свою позицию получением санкции на силовое воздействие на Ирак не от ООН, а хотя бы от НАТО также натолкнулась на серьезные трудности. Три страны НАТО - Франция, Германия и Бельгия - проявили такую меру готовности выступать против американских предложений, что впервые за время существования НАТО возникла угроза раскола среди его членов. Вашингтон принял решение не рисковать и не обсуждать больше в НАТО вопрос о начале войны с Ираком. Война была развязана 19 марта 2003 г. силами исключительно американо-британской двусторонней коалиции без какой бы то ни было международной санкции.

Таким образом, в минувшие 10 лет группа влиятельных стран международного сообщества предпринимала попытки дополнить свод правил и принципов, на которых основывается международный порядок, за счет внедрения в него на правах общепризнанных норм трех новых регулирующих принципов - **гуманитарной интервенции**, **«интервенции возмездия» (пенитенциарной интервенции)** и **превентивного вмешательства**. Ни одно из трех этих нововведений сегодня не является в полной мере легитимным, но они оказывают практическое влияние на международные отношения.

Механизмы регулирования и режимы международного порядка

При характеристике *современных механизмов регулирования* международного порядка следует отметить, что за последние 10-12 лет была осуществлена реорганизация глобальных структур мироуправления таким образом, что наряду с универсальным по охвату и официальным по статусу ооновским механизмом сложился его полузакрытый (по избранности допущенных в него членов) и неформальный (по типу принятия решений) механизм, ядром которого являются по крайней мере семь государств из «группы восьми». В эту группу уже плотно интегрирована Россия, однако она де-факто продолжает участвовать в ней не на равном положении.

Старые члены «восьмерки» фактически остаются более влиятельными, нежели Россия, во многом благодаря принадлежности шести из них к блоку НАТО, который в отдельных случаях способен выступать инструментом защиты интересов этих стран при помощи силы. К началу XXI в. полуформальная коалиция семи членов «восьмерки» с блоком НАТО по практическому воздействию на мировую политику стала вровень с ООН. Между двумя этими ветвями мирополитического регулирования — формальной (ООН) и неформальной (старые члены «восьмерки» и НАТО) — развернулась настоящая конкуренция, в которой вторая обладает рядом преимуществ.

Неформальная ветвь была эффективнее в принятии решений. Старые члены «восьмерки» представляют собой однородные в политико-идеологическом и экономико-социальном отношениях государства и им проще «притирать» свои интересы, чем разнотипным субъектам, составляющим большинство ООН. Другим преимуществом механизма «неформального регулирования» до начала XXI в. была его замкнутость на военную организацию НАТО. ООН не имеет собственных вооруженных сил, поэтому любое потенциальное решение СБ о силовых санкциях грозит перерасти в громоздкое согласование. Старые члены «восьмерки», напротив, могут мобилизовать свои военные ресурсы быстрее, руководить ими слаженнее и применять в собственных политических интересах. Раскол в НАТО, подобный произошедшему в 2003 г. из-за Ирака, пока еще остается единичным, хотя многозначительным, инцидентом.

Правда страны НАТО и Япония предпочитают по возможности действовать с санкции ООН, но получение мандата ООН, как показал опыт конца 1990-х - начала 2000-х гг., не является «категорическим императивом», если речь идет об интересах США или группы стран НАТО.

Ситуация усугубляется положением внутри ООН. Затянувшееся обсуждение вопроса о ее реформировании не дает позитивных результатов. Острые критики направлены против Совета Безопасности, внутри которого, в соответствии с Уставом, сохраняется преимущественный статус ограниченного круга пяти постоянных членов, обладающих привилегией вето на рассматриваемые решения. Соответственно предложения о реформе так или

иначе концентрируются вокруг возможности увеличения числа постоянных членов СБ (за счет принятия в него некоторых других крупных держав, например, Индии, Германии, Бразилии, Японии и т.д.) и смягчения консенсусной формулы принятия решений таким образом, чтобы по крайней мере некоторые вердикты СБ принимались простым большинством без учета согласия или несогласия всех пяти постоянных членов.

Дискуссия о неадекватности ООН работает на «моральную делегитимизацию» этой организации и основанной на ней системы мирового политического урегулирования. Международное общественное мнение подготавливается к вероятному внесению тезиса о непригодности ООН для выполнения регулирующих функций в международных отношениях и о неизбежности передачи ее роли каким-то другим механизмам.

Ситуация становится еще сложнее в последнее время. Так в результате сближения России и США после сентябрьских событий 2001 г., и «перезагрузки» отношений после прихода к власти Б. Обамы, постоянно меняется ситуация внутри «группы восьми». Российская Федерация и до того уже была довольно тесно связана с США и западноевропейскими странами для полноценного участия в работе этой группы. Но все же Россия недостаточно интегрирована в систему партнерства с Западом, чтобы западные страны рисковали привлекать ее к обсуждению ключевых военно-политических решений ввиду консенсусной формы принятия решений в «восьмерке». Фактически вхождение России в «группу восьми» несколько уменьшило эффективность ее работы как органа, конкурирующего с ООН.

Кроме того, правление в США с 2000 г. республиканской администрации Дж. Буша-младшего и в еще большей степени демократа Б. Обамы с 2008 г., повлекли за собой изменение отношений внутри группы наиболее развитых стран.

Американская администрация начала отход от характерной для последних десятилетий XX в. политики «многостороннего согласования», которая подразумевала выработку политических решений и их осуществление согласованно *со всеми* своими главными союзниками. Вместо этого Вашингтон стал тяготеть к принятию решений в одностороннем порядке, скорее информируя партнеров о своей позиции, чем советуясь с ними. В наиболее острых ситуациях американская администрация проявляла склонность заручаться лишь формальной поддержкой союзников, фактически кооперируясь только с немногими избранными из них. Групповая солидарность, типичная для западных стран в эпоху биполярной конфронтации, размывается и становится избирательной.

Вследствие этого, наряду с двумя ветвями механизма регулирования международного порядка — универсальной (ООН) и *институционально-групповой* («восьмерка» + НАТО), в мире стали проступать контуры третьей ветви — *индивидуально-групповой*, представленной прежде всего США и, при необходимости, узкой коалицией избранных ими под реализацию конкретной

цели стран, независимо от формальной институционально-групповой принадлежности последних. Ситуативные коалиции США с Великобританией и Россией во время второй афганской войны (2001-2002) и американо-британская военная коалиция против Ирака в 2003 г. - примеры регулирования международного порядка посредством третьей ветви.

В инструментарии *санкций* за нарушение порядка в современных международных отношениях по сравнению с периодом биполярности тоже заметны изменения. Внешне картина выглядит на первый взгляд так, как будто регулирование международных отношений при помощи норм права становится все более важным. Но на самом деле, как представляется, реальность оказывается сложнее. В начале XXI в., наряду с ростом внимания к правовому регулированию международного порядка, развивается тенденция не к ограничению использования силы, а наоборот, к расширению сферы ее применения и повышению интенсивности силовых акций именно под предлогом внедрения новых норм и правил международного поведения.

После Карибского кризиса 1962 г. в международных отношениях наступил период преобладания политико-дипломатических методов регулирования. Во второй половине 1970-х гг. он сменился эпохой преимущественно экономического регулирования и вскоре после распада СССР, приблизительно с середины 1990-х гг., начался продолжающийся до сегодняшнего дня период «возвратного» преобладания упорядочивающей роли силы.

Остается разобрать вопрос о *режиме*, в котором реализует себя современный международный порядок. Речь идет о совокупности форм, методов и приемов, которыми пользуются основные субъекты международного регулирования. Несмотря на высказываемые мнения об авторитарном характере современного порядка, эта характеристика не дает представления о его особенностях.

Вплоть до начала 2003 г. и возникновения разногласий из-за Ирака между странами НАТО режим, который регулировал международный порядок, строился на принципе «*навязанного консенсуса*». Действуя по этому принципу, США стремились во что бы то ни стало обеспечить поддержку своим наиболее важным международно-политическим акциям со стороны всех американских партнеров, включая, судя по практике последних лет, и Российскую Федерацию.

Американская дипломатия экономно расходовала ресурсы. Во-первых, Вашингтон старался не допустить расширения списка «несогласных» и даже враждебных стран. Число официально поименованных Вашингтоном «неблагонадежных» стран было и остается небольшим. Американская администрация успокаивает международное сообщество, подчеркивая: круг «стран-плохишей» узок и применение силы против них не повлечет обширного конфликта. Во-вторых, США вынуждены поддерживать единство в рядах дружественных стран. Вашингтон старается избегать дипломатических схваток с

партнерами, стремясь привлечь их на свою сторону уговором, посулом, соблазном и только в самом последнем случае — жестким остережением. При этом США экономят дважды: уменьшая сопротивление со стороны внутренней оппозиции в союзных рядах и одновременно перекладывая на них часть бремени по осуществлению подсунутых им решений. Американская дипломатия научилась навязывать «вольным и невольным партнерам» свои варианты видения международных проблем таким образом, что это почти в самом деле выглядит как принятие решений консенсусом на основе взаимных уступок, компромиссов, согласованных шагов.

США все шире применяют «стратегию вовлечения», терпеливо и последовательно втягивая бывших и потенциальных *соперников* в отношения сотрудничества с собой, превращая их в *партнеров*, пусть «упирающихся», «несогласных», не во всем надежных, но партнеров, а не противников. В этом смысл политики «навязанного консенсуса». Международный порядок, на деле будучи однополярным, может выглядеть воплощением лидерства не Соединенных Штатов, а группы - «восьмерки» наиболее влиятельных и ответственных стран мира.

Китай, Россия, страны Европы, объединившиеся в политически разобщенный Евросоюз, на региональных уровнях стремятся отстоять автономию своих действий по отношению к США. Но на *глобальном уровне* они не могут и не пытаются всерьез соперничать с США за влияние в международных делах, хотя все они в разной мере встревожены и раздражены чрезмерным усилением роли Вашингтона и стремятся найти способ умерить американские амбиции.

Американская элита пока не проявляет беспокойства по поводу подобных настроений. Наиболее сильные государства мира - от Китая и России до Германии и Франции - вовлечены в отношения торгово-экономической и финансовой взаимозависимости с Соединенными Штатами, и разрыв связей с Вашингтоном никому из них не выгоден. Критикуя США, они одновременно удерживают свои разногласия с ними в контролируемых пределах.

Положение российской дипломатии в рамках такого режима оставалось сложным. Постоянно меняются ее задачи. В 1990-е гг. они определялись настроением на уход от противостояния с Западом и удержанием его на невраждебных к России позициях. В какой-то период (после сентября 2001г.) казалось, что вопросы о противостоянии и враждебности свою актуальность утратили. Определяющими в тот момент устремлениями стали *завоевание Россией наиболее благоприятных позиций внутри глобальной системы американских партнерств* и - с использованием этих позиций - *поддержание необходимого уровня политического контроля на всей своей территории и влияние в приграничных с РФ сферах геополитического пространства*.

Союз с Западом в новых условиях стал рассматриваться как важный инструмент решения внешнеполитических задач нашей страны, разрешить которые без него ей было крайне трудно или даже неосуществимо: заставить

прибалтийские государства изменить законы в отношении тамошних русских, к примеру, методом лобовой атаки было нельзя, а через посредство международных организаций оказалось, что вполне получается; помешать вступлению этих же стран в НАТО с помощью российских демаршей было решительно невозможно, а девальвировать, обесценить смысл их принятия при помощи опережающего сближения России с США и НАТО стало реально. Вот отчего российская дипломатия фактически приняла американские правила стратегии «навязанного консенсуса», сознавая его неприятный подлинный смысл и природу.

Острота такого периода международной жизни в том, что с 2003 г. США отходят от консенсусной логики, более полагаясь на собственные национальные интересы. Это может означать смену либерально-авторитарного режима «навязанного консенсуса», сохранявшегося в 1991-2002 гг., и становление более жесткого режима «авторитарного патернализма», в рамках которого США регулярно и откровенно демонстрируют свое силовое превосходство, игнорируя мнения международных организаций и любых государств-членов международного сообщества. Об этом свидетельствуют попытки США принять Украину и Грузию в НАТО, а также поддержка США грузинской агрессии 2008 г. против Абхазии и Южной Осетии. Пользуясь терминами Айкенберри, в современной ситуации США как гегемон международной системы достигли зенита могущества, и соответственно конституционные начала международного порядка - по всей видимости, на время — отступили на второй план, чтобы (если опять-таки верить Айкенберри) вернуться на первый, когда гегемон начнет дряхлеть.

Степень регулируемости современных международных отношений остается довольно высокой, что позволяет говорить об удовлетворительном уровне устойчивости существующего международного порядка. Но многим конкретным интересам Российской Федерации международный порядок в его нынешнем виде соответствует мало или недостаточно. Прежде всего Россию не устраивает гипертрофированная роль США в процессах принятия ключевых международных решений, из-за которой девальвируются мнения других государств, недоучитываются их интересы и потребности. Вот почему в текущей ситуации круг задач отечественной дипломатии связан с поиском путей и ресурсов, в том числе за счет кооперации с другими странами, для демократизации международного порядка и повышения роли России в его формировании и регулировании.

Вопросы по теме

1. Какие существуют подходы к пониманию «международного порядка»?
2. Какие существуют механизмы регулирования международного порядка?
3. На чем основан режимно-институциональный подход к анализу международного порядка?
4. Охарактеризуйте современную международную иерархию.

5. Какие процессы способствовали появлению новых принципов в международных отношениях сегодня?

Тема 3. Национализм в мировой политике

Неоднозначность понятия национализма. Национализм против глобализации

Неоднозначность понятия национализма

Ни одно политическое движение не сыграло столь важной роли в формировании современного мира как национализм. Однако национализм по-прежнему остается сложным явлением, трудно поддающимся научному анализу. Многие исследователи склоняются к тому, что национализм - не просто еще одна политическая идеология, а часть целостной культурной подсистемы, благодаря которой образуется совокупность национально-патриотических взглядов, верований и чувств. Изучение национализма начиналось с акцентирования *уникальности всякого народа* (И. Гердер), однако в последнее время все больше ученых считают, что национализм невозможно рассматривать иначе, как в сравнительном и глобальном аспектах, при этом учитывая его местную специфику.

Для рассмотрения роли национализма в современной мировой политике необходимо уточнить некоторые определения, чтобы избежать путаницы, как и с самим национализмом. По М. Веберу, **нация** - это человеческое сообщество, объединенное общностью языка, религии, обычаев, судьбы и стремящееся к созданию собственного государства. Перечисление большого числа социальных основ нации в определениях связано с тем, что ни одно из них не может быть выделено в качестве самостоятельного или единственного. Вероятно, единственный критерий заключается в том, что для складывания нации нужна какая-то более или менее компактная территория, однако это скорее географическое, чем социальное требование. В данном случае речь идет о *стране*, а не о нации. Более того, вес и значение той или иной основы различаются от страны к стране. Так, социальный базис нации включал культуру и историю во Франции, язык - в Германии, этническую принадлежность - в Японии, религию - в Пакистане и Израиле. С другой точки зрения, в определение нации необходимо добавить политический ингредиент. Тогда вполне допустима очень простая формулировка: нация — это общество, которое само управляет собой, делало это в прошлом и имеет достаточно оснований, чтобы требовать этого в будущем.

В отличие от нации, **национальность** акцентирует главным образом этнические особенности языка и культуры. В научной литературе чаще говорят об *этносе*, в обыденной речи - о национальности. В обоих случаях внимание концентрируется преимущественно на антропологических особенностях той или иной группы. Принято считать, что этническое происхождение - самая общая характеристика, объединяющая нацию. Если люди говорят о себе как о русских, евреях, татарах, французах и т.д., значит они указывают на этнос, но

когда называют себя «американцами» или «россиянами», то включают в определение и политический компонент - гражданство. Тот факт, что этничность — основа не только национальности, но и нации, не означает необходимость для людей быть родственниками по крови, чтобы входить в одну нацию. США, Россия или Швейцария, например, включают несколько этнических групп. И, наоборот, люди, принадлежащие к одной нации, могут жить в разных государствах. Немцы населяют ФРГ, Лихтенштейн, австрийцы и многие швейцарцы имеют германское происхождение. Около двух тысячелетий (до 1948 г. — даты создания государства Израиль) своей территории не было у евреев, которые тем не менее сумели сохранить национальную идентичность, поддерживаемую сильными культурными традициями, религией (иудаизмом), этническим сходством.

Много сложностей возникает и с самим определением *национализма*.

Понятие национализма иногда используют для описания лояльного отношения к государству. В этом случае правильнее было бы говорить о *патриотизме*, хотя это и значительно менее определенное понятие. Патриотизм - скорее выраженная солидарность по отношению к своему сообществу, включенная в мотивационную структуру политического поведения. Можно даже сказать, что патриотизм - один из специфических типов любви, чувство, которое может возникать снизу, быть организованным и воспитанным сверху, вспыхивать и остывать, распространяться на новые стороны жизни политического сообщества или возвращаться к старым, ушедшим в историю образцам.

Иногда национализмом называют *национальную идентичность*, но это недостаточно полное определение. Порой в качестве национализма характеризуют убеждения в том, что какой-то народ, культура или цивилизация «выше» всех остальных, но здесь - проявление *шовинизма*. Довольно часто национализм приобретает форму *ксенофобии* - неприязни, отвержения иностранцев и инородцев. Такая реакция довольно типична для обществ, переживающих исторический кризис, внутреннюю дезинтеграцию. Быстрые изменения вызывают глубокую неуверенность, рождают сильную потребность в предсказуемости. Поэтому ксенофобия - это отражение реакции этнической группы на страх потери своего национального «я».

Кроме того, имеется возможность увязать доктрины национализма с другими современными теориями и идеологиями. Так появился консервативный национализм, либеральный национализм, социалистический национализм и т.д. Поскольку национализм говорит о «правильных» отношениях между обществом и режимом, то он может присутствовать почти в любой идеологии. Национализм подобен хамелеону, ибо способен принимать всякие идеологические окраски. Поэтому националист всегда может оказаться одновременно консерватором, коммунистом или либералом.

Очевидно, что национализм в США, стране многонациональной, не может быть таким же как во Франции, Германии или в Африке, где

национализм был принят правящими постколониальными элитами ради легитимизации своего правления, не ставя вопрос об адекватности его применения по существу к племенной структуре общества. Возможно язык и пафос национализма действительно торжествуют во всем мире, но политические силы, называющие себя националистическими, имеют крайне мало общего между собой в разных регионах планеты.

Чаще всего выделяют три варианта интерпретации национализма:

- 1) национализм как доктрина;
- 2) национализм как чувство (национальное самосознание);
- 3) национализм как политика.

В любом случае конкретный анализ националистических движений со всей очевидностью показывает, что мотивации их участников могут существенно различаться, однако они почти всегда используют язык «групповых прав». Это означает, по мнению известного канадского специалиста по национальным отношениям У. Кимлики, что индивиды воспринимаются как простые носители групповой идентичности, а не в качестве автономных личностей, способных определить собственные цели в жизни. Поэтому в национализме неизменно обнаруживается тенденция к подчинению индивидуальной свободы во имя группового утверждения необходимости защищать исторические традиции или культурный плюрализм. Однако полное противопоставление групповых прав индивидуальным правам человека неверно. Вопрос о групповых правах внутренне присущ любому политическому режиму, в том числе и либеральной демократии. Право нации на самоуправление может быть использовано как для гарантий внешней защиты от давления более сильных культур и экономик, так и для введения внутренних ограничений. Большинство коренных народов стремятся к обеспечению групповых прав главным образом ради защиты от покушения извне. Их волнует, чтобы более широкое общество не захватило их ресурсы и институты, необходимые для самосохранения. В этом случае обычно между внешней защитой и внутренними правами конфликт не возникает. Многие такие группы в полном объеме гарантируют гражданские и политические права своих членов, приняв собственные конституционные билли о правах, обеспечивающие свободу вероисповедания, слова, печати, совести, ассоциаций, быстрого и публичного суда. Практика истории, например, индейцев в США и Канаде, показывает, что без дополнительных гарантий и защиты индейцы очень быстро оказываются политически недееспособными и культурно маргинальными в более широком обществе.

Большинство же исследователей, придерживаясь другой точки зрения и настаивает на патологической природе национализма, присущем ему страхе перед «инородным», ненависти к «чужому», близости к расизму и шовинизму. Именно национализм якобы устанавливает искусственный барьер между человеческими общностями, разделяя их на «мы» и «они», при этом «мы» часто воспринимается как нечто гораздо более высокое и ценное, нежели «другие»

народы. В такой интерпретации национализм превращается в одну из наиболее опасных идеологий современности.

Рассмотрение проблемы национально-этнических сепаратистских движений только в негативном ключе было бы, однако, сильным упрощением. Национальные меньшинства нуждаются как в сохранении своего культурного отличия от других, так и в решении целого ряда экономических проблем. Например, сепаратистское движение в Западной Австралии, поддерживавшееся главным образом материальными факторами, очень быстро получило массовое подкрепление, но столь же скоро сошло на нет, как только была принята программа федеральных грантов от центрального правительства. Шотландский национализм, как показывает опыт нескольких поколений, имеет преимущественно ностальгический, даже романтический характер, за исключением тех периодов, когда становится массовым в силу дурного экономического управления со стороны Англии. Существенную роль в его пробуждении в последнее десятилетие сыграло также открытие месторождений нефти в Северном море, поскольку многие шотландцы поверили, что у них появился шанс разбогатеть в случае обретения права на самоуправление. После неудачного референдума и утраты веры в передачу контроля над нефтью электоральная поддержка сепаратистов сократилась до минимума, и шотландский национализм в основном приобрел культурную окраску.

Сходным образом развивались события в канадской провинции Квебек. Культурная основа движения франкоязычной группы из-за лингвистического раскола в канадском обществе весьма сильна, однако массовую поддержку оно не получало до тех пор, пока «тихая революция» не вызвала протест из-за контроля над экономической жизнью со стороны англоязычных провинций. Когда экономические проблемы в значительной степени оказались урегулированными, перспективы отделения Квебека от Канады стали маловероятными.

Н.А. Бердяев рассуждая о содержательной стороне национализма, указывал на наличие двух его типов: творческого, созидательного и деструктивного, разрушительного, сопровождающегося ненавистью к чужому. В первом случае он способствует сплочению нации, образованию «нации-государства» (англ. *nation-state*), во втором — направлен против других народов и несет в себе угрозу не только для «противника», но и для своего общества, поскольку идолопоклоннически превращает национальность в верховную и абсолютную ценность, которой подчиняется вся жизнь, культивирует чуть ли не зоологическое отношение к «чужому» при попытке выработать и сохранить «чистую расу».

«Конструктивный национализм». «Конструктивный» или творческий национализм обычно бывает направлен на создание, сохранение и укрепление нации-государства. В этом варианте национализм представляет собой программу построения политического сообщества определенного типа. Что же в таком случае соединяет нацию и государство? Понятно, что нация и

государство - отнюдь не тождественные понятия. **Нация** - в первую очередь социологический термин, определяющий большую группу людей, которая характеризуется сознанием своего единства и желанием жить сообща в силу родственного происхождения, лингвистического сходства, общей культуры и географической близости. Именно поэтому К. Реннер назвал нацию «ежедневным плебисцитом по вопросу о желании людей жить вместе». Так что понятие нации имеет не политические, а социальные характеристики. **Государство**, в отличие от нации, - политический термин. Единственной чертой, которая в равной степени присуща и государству, и нации, является народ, объединяющийся в данном государстве и отождествляющей себя с ним. В рамках государства представители разных этносов начинают столь тесно взаимодействовать друг с другом, что превращаются в нацию, а само государство становится **нацией-государством** (или иначе *национальным государством*). Понятие *нации-государства* описывает социально и культурно гомогенную группу, обладающую легальной организацией и принимающую участие в мировой политике и международных отношениях в качестве самостоятельного, суверенного субъекта. Как политический институт, нация-государство - продукт относительно недавней истории. Оно возникло в Европе примерно четыре столетия тому назад. До его появления людей объединяли другие политические институты - племена, города-государства (полисы), республики, империи и т.д. Считается, что национализм в качестве обоснования необходимости нации-государства был ответом на рост торговли и коммуникаций в эпоху Просвещения. В действительно влиятельную идеологию он превратился лишь в период Великой Французской революции, прежде всего как реакция на универсалистские притязания классического либерализма. Само возникновение наций-государств стало возможным благодаря фундаментальным организационным и техническим нововведениям - формированию бюрократии в виде особого слоя, занятого государственным управлением; развитию книгопечатания, внедрению более совершенных форм коммуникации и финансовых институтов. Важнейшую роль сыграли также введение всеобщей воинской повинности и постепенный переход к «массовому обществу», когда «воля народа» начала восприниматься как фактор легитимизации политических решений.

Национализм, таким образом, выступает в роли идеологии современного нации-государства. Вместо лояльности конкретному субъекту - будь то король или христианская община (два вида лояльности, типичные для средневековья) - в новых условиях нации-государства люди становятся привержены идее, традиции, истории и национальному единству. Нация-государство характеризуется прежде всего совпадением политических и культурных границ и высокой степенью внутренней однородности. Единство и гомогенность такого типа могут возникать более или менее спонтанно, *но способны и оказаться результатом принудительного конструирования(!)*. Позволительно сказать, что национализм - это во многом *эмоциональный союз политического феномена с*

идентичностью человека, который ощущает свое единение с себе подобными, - «я» превращается в «мы». Он устанавливает систему ценностей и механизмы реализации потребностей общества. Именно в силу этого не существует национализма как единой, «большой» идеологии, а есть множество национализмов, каждый из которых характеризуется особенностями данного народа, его ценностями, традициями и специфическим отношением к «чужим». В то же время он весьма типичен именно для западной цивилизации, где важны политические аспекты жизни. В восточных обществах приоритетными ориентирами чаще бывают иные, чем государство общности, такие как семья, род, племя и т.д. Известный исследователь национализма Э. Смит обосновал два основных типа национализма: «западную гражданско-территориальную модель», предполагающую тесную связь между национализмом и территорией, и «восточную этногенеалогическую модель», для которой типичен «этнический» тип национализма.

В политическом смысле национализм западного типа можно интерпретировать как идейно-политическую доктрину организации власти на определенной территории. Британский теоретик Э. Геллнер считает важной связь между культурой и политикой, объясняющую природу национализма. В основе стремления к национальной государственности - необходимость защиты национальной культуры, - т.е., институтов создания, сохранения, передачи культурных ценностей этноса. Национализм - это «средство создания нации». В то же время он имеет право на существование только тогда, когда свободен от узкоэтнического восприятия окружающего мира. Такую функцию в современном обществе способно выполнить только государство. Значит **национализм — прежде всего политический принцип**, согласно которому политические и национальные образования должны совпадать.

В идеологии национализма происходит слияние идеи нации не с идеей абстрактного государства, а государства именно конкретной нации. При этом акцент делается на важный, но все же не определяющий, территориально-этнический аспект. В современной западной политической теории понятие «национального государства», разработанное Л. Дюги, означает «общество», «гражданское общество», а точнее, этнос, организованный в гражданском обществе. Нация-государство предполагает преодоление внутренних этнических различий главным образом с помощью единой системы образования и средств массовой информации. Поэтому нация-государство — «специфическое достижение западного рационализма», как утверждал немецкий политический мыслитель К. Шмитт. Отсюда и главные субъекты западных конституций: гражданин, гражданское общество, а средством их интеграции в политическое сообщество выступает нация. Создание Вестфальской системы международных отношений - логическое завершение процесса перехода к нациям-государствам. После 1648 г. они стали преобладающим типом государственного устройства на международной сцене. Не будет преувеличением сказать, что «история Европы с 1789 по 1945 гг. -

синоним истории роста и развития современных наций» (Т. Байкрофт). Несмотря на то, что именно Европа стала источником распространения модели наций-государств, все же для нее осталась характерной «национальная чересполосица», незавершенность процесса, из-за чего лишь в редчайших случаях удавалось собрать одну нацию в единых национальных границах.

После 1918 г. в результате падения Германской, Австро-Венгерской, Российской и Османской империй на основе их периферийных осколков возникло множество слабых, преимущественно аграрных «национальных государств» в Центральной и Восточной Европе, а также колоний и протекторатов на Ближнем и Среднем Востоке. Создание в период между двумя мировыми войнами Лиги Наций было знаковым явлением, в том числе с точки зрения утверждения легальности такого рода государств. Противоположный вектор развития государственности обусловила Октябрьская революция 1917 г. в России. СССР удалось не только сформировать устойчивый антикапиталистический порядок на большей части бывшей Российской империи, но также «снять» (?) проблему национализма через формальное признание территорий и культур основных национальностей и этносов, в то же время объединив их в рамках «единого советского народа». Даже вступив в Лигу Наций, а после Второй мировой войны в ООН, Советский Союз никогда не рассматривал себя в качестве нации - государства.

Советской схеме решения национального вопроса на международной сцене противостояли две конкурирующие, однако уравнивающие друг друга модели: Запад (капиталистическая демократия) и фашизм, сочетавший опору на национализм и расизм с претензией на превращение в наднациональную силу. После краха фашистских Германии и Италии, а также японского милитаризма, на международной сцене противопоставались две оставшиеся модели решения национального вопроса: многонациональная советская и западная, по преимуществу национально-государственная.

Еще в XIX в. некоторые «национальные государства» (Великобритания, Франция, Бельгия и др.) превратились в колониальные империи. При этом они не только не перестали быть нациями-государствами, но даже усовершенствовали их структуру. Это позволило им - после отпадения колоний в XX в. - сохраниться в качестве наций-государств. Следует учесть, что до 1960-х гг. ряд европейских стран, национально-государственных по форме (т.е. метрополий), продолжали оставаться центрами империй. Восточноевропейские и центральноевропейские государства (так называемые страны народной демократии, позднее - страны социалистического содружества) формально не вошли в состав СССР, а сохранили свою национальную государственность, хотя были объединены с «ядром»: экономически в рамках Совета экономической взаимопомощи (СЭВ) и в военном смысле в Организации Варшавского договора (ОВД). Таков был путь превращения Европы в «лоскутное одеяло» разнообразных наций и этносов, государственные границы которых очень часто не совпадали с ареалом распространения титульной нации.

Освобождение колоний привело к возникновению множества новых государств в Азии и Африке в период между 1945-1975 гг. (особенно в 1960-е гг.). Они в основном были бедными, аграрными, раздираемыми внутренними племенными и этническими конфликтами - тяжелейшим наследием колониализма, построившим систему своего господства без учета границ расселения этносов, культурных, религиозных и политических традиций регионов. Национализм и сепаратизм обернулись позднее полной катастрофой для ряда новых государств, кризисом их государственности, распадом общественных связей (Сьерра-Леоне, Заир, Либерия, Сомали и т.д.).

Середина и особенно вторая половина XX в. стали временем появления признаков кризиса системы наций-государств. Как показывает история последних десятилетий, количество этносов, стремящихся к собственной государственной идентификации, постоянно растет. Вызревание нации происходит в процессе политической борьбы за государственное самоопределение. Британский исследователь Дж. Бройи выделяет три категории национализма на основе отношений, возникающих между националистическим движением и государством в зависимости от того, как последнее себя ведет, - борется с ним или контролирует его. Это «сепарация», «реформа» или «объединение». Затем каждую из этих категорий он подразделяет на две субкатегории в соответствии с природой политического объединения, т.е. противостоящие «ненациональному государству» или «национальному государству» (см. *таблицу*).

Таблица

	Противостояние «ненациональному государству»	Противостояние «национальному государству»
Сепаратизм	Венгры, греки, нигерийцы	Баски,
Реформы	Турция, Япония	Фашизм, нацизм
Унификация	Германия, Италия	Арабского и панафриканского типов

Бройи понимает под национализмом «политические движения, стремящиеся или осуществляющие политическую власть и узаконивающие свою деятельность националистическими аргументами». Эти националистические аргументы, в свою очередь, приобретают вид политической доктрины, опирающейся на три основные положения:

- 1) существует нация с ярко выраженными специфическими характеристиками;
- 2) интересы и ценности нации обладают приоритетом над всеми другими интересами и ценностями;
- 3) нация должна быть столь независимой, сколь это возможно; обычно это предполагает как минимум обретение политического суверенитета.

В литературе можно встретить определения национализма как идеологии: проявления классовых интересов, экономической модернизации, психологических потребностей или культурных достижений. Но по Бройи, все это мало помогает понять сущность национализма, он прежде всего имеет отношение к политике, к обретению и удержанию власти. При этом в государственном строительстве национализм выполняет три основные функции: координации, мобилизации, легитимизации.

Национализм и нация-государство - одни из самых эффективных способов политической мобилизации. История человечества не знает более мощного средства легитимизации войны. Никакая идеология, даже классовая, не может в этом смысле состязаться с национализмом.

Для понимания национализма крупный марксистский историк Э. Хобсбаум особо подчеркивал роль политических трансформаций. Он полагал, что нации и национализм - это продукты «социальной инженерии». Они направлены на превращение истории в легитимизатора действий и использования ее для цементирования единства какой-то группы. Поэтому для ситуаций кризисов или первоначального государственного строительства типичен *«государственный национализм»*. Он оказывается действенным инструментом при кризисных явлениях, распаде социальных связей, обострении внутренних конфликтов, послевоенных катаклизмах. В этой ситуации правительство или партия, претендующая на власть, обращается «ко всему народу», говорит о «величии нации», необходимости реванша, мобилизации и консолидации нации, преодолении ее униженности на международной сцене и т.п. Национализм данного типа имеет обычно весьма прагматический характер и предполагает приоритет защиты национальных интересов. К такому национализму в свое время прибегали голлисты во Франции, перонисты в Аргентине, лидеры Либерально-демократической партии в Японии после разгрома японского милитаризма в период Второй мировой войны. К государственному национализму по существу пришел и Китай со времен Дэн Сяопина. В то же время Э. Хобсбаум считает: агрессивный национализм - это манифестация глубокого разочарования, утопия тех, кто утратил все старые утопии эпохи Просвещения.

Национализм конца XX в. существенно отличается от данного явления предшествующих периодов. Напомним, что национализм XIX - начала XX вв. имел освободительный характер и был важнейшим вектором исторического развития, борьбы против существовавших империй. Современный национализм, в частности, в Квебеке, Уэльсе или Эстонии, хотя бывает часто весьма агрессивным, исторический процесс уже не определяет и обладает скорее конъюнктурно-политическими чертами.

Существует тесная связь национализма с проблемой демократии. Условие демократии - очерчивание демоса как сообщества политически активных граждан, фиксация того общего базиса, на котором покоится внутренняя солидарность. Базовый консенсус демократии, минимальная стабильность в

ситуации широкого идейного и политического плюрализма обеспечиваются конструированием или предшествующим наличием нации. В любом случае национализм оказывается значимым фактором управления политическим процессом.

Поэтому сторонники республиканского гражданства, например, М. Уолцер, М. Сэндел и Д. Якобсон, связали кризисные процессы в демократии именно с размыванием наций-государств и упадком гражданства под влиянием утверждения международных норм прав человека и широкого распространения космополитизма. Гражданство означает членство в ограниченном сообществе. Право на определение границ и идентичности сообщества фундаментально для демократии, поэтому по их мнению, экономическая и политическая глобализация подрывает принцип гражданства как условия демократических процессов.

Постепенно утверждаются практики двойного гражданства, равно как и городского или регионального гражданства, все еще не признанные многими нациями-государствами. В таких странах, как Швейцария, используется кантональное гражданство, а получение общенационального гражданства обусловлено принятием данного индивида тем или иным кантоном. Город Амстердам предоставляет статус гражданина иностранцам, прожившим в нем определенное время. Спустя пять лет такой новый гражданин города уже имеет право голосовать и быть избранным на выборную должность. Попытки введения такого типа гражданства отмечены также в Бремене и Гамбурге. Сэндел назвал распространение двойного и даже множественного гражданства знаком «дисперсии суверенитета».

Процессы интеграции и регионализации последнего времени видоизменяют национализм. Они опираются на совершенно определенный тип политической философии, важнейшим элементом которой становится переход от европейского национализма к паннационализму или метанационализму. По аналогии с национальными региональные идентичности основаны на идее «воображаемого сообщества» (Б. Андерсон), т.е. на представлении о своей стране как коллективной собственности определенной группы, даже если отдельный человек никогда не посетит некоторые ее уголки и местечки. Однако регион, в отличие от нации-государства, - открытая система с гибкими, прерывистыми связями, в большинстве случаев «дополняющая» нацию.

Такое региональное объединение может иметь весьма агрессивный характер при условии высокого уровня внутренней солидарности, четкого разделения на «мы» и «другие», демонизации «их», пропаганды необходимости защиты «нас» от внешних угроз.

Стоит обратить внимание также и на появление метанационализма «золотого миллиарда», наблюдаемого в последние годы в самой развитой части мира, противопоставление - в ряде случаев жестко-агрессивное - самых имущих остальному человечеству. Дискуссия вокруг нашумевшей книги М. Линда «Новый американский национализм», заведомо эпатажной, но одновременно

знаковой, которая показывает, какого рода тенденции развиваются на Западе. В этой работе Линд ввел периодизацию американской истории в зависимости от господствовавшей национальной идеи. Он выделил следующие периоды:

1. Англо-Америка, где доминировали англосаксы (с основания США до середины XIX в.);
2. Евро-Америка с верховенством выходцев из Европы (с середины XIX в. до 1950-1960-х гг.);
3. «Мультикультурализм» (многонациональность, культурное многообразие, поддержание принципов демократии внутри каждой из крупных национально-этнических групп), длящийся и сегодня;
4. Выработка собственно национальной идеи в контексте метанационализма всего Запада (в ближайшем будущем).

Под метанационализмом при этом понимается полная консолидация всего Запада и Японии, вывод из третьего мира промышленных предприятий, принадлежащих Западу, закрытие границ, прекращение всяких программ помощи слаборазвитым странам. Речь идет о полной изоляции третьего мира как неспособного к развитию и мешающего дальнейшему прогрессу самой передовой части планеты — это и есть идеологическое обоснование подхода «золотого миллиарда». Данное мнение, конечно же крайность, но и игнорировать такого рода новые проявления национализма было бы неправильно.

В современном мире имеется несколько крупных интеграционных группировок с надгосударственными функциями разного уровня - НАФТА, АСЕАН, Африканский союз (бывшая Организация африканского единства), Организация американских государств и др., но только Европейский союз (ЕС) смог подняться до статуса, сопоставимого с нацией-государством. Тем не менее в современной Европе проблемы межнациональных отношений продолжают существовать, хотя в целом и укладываются под определение «обеспечение прав национальных меньшинств». В 1990-е гг. и в начале XXI в. наблюдатели отмечали усиление центробежных тенденций националистически-сепаратистского толка. Модель единой Европы в начале принималась европейцами как чисто экономическая, обещавшая принести геополитические и политические дивиденды (в частности противостоять американской экспансии). Однако экономикой и финансами дело не ограничилось. Постепенно появились так называемые общеевропейские ценности с существенным метанационалистическим американизированным подтекстом. Это привело к пробуждению «местных патриотизмов». Великобритания предпочла сохранить свой фунт стерлингов, сочтя его в том числе, культурным достоянием. Французские кулинары и сельские производители заняли круговую оборону против гамбургеров. Европейские культурные элиты в целом заговорили о своей самобытности и создали культурный фон для политических течений националистического толка. При этом все они противопоставляют себя единому эталону нации-государства.

Есть и субъективные аспекты проблемы. Перенос общественной лояльности с национальных правительств на наднациональные институты сталкивается с изрядными трудностями. Выходит что Европейское сообщество, действующее десятки лет, так и не сумело обеспечить себе действительную лояльность со стороны граждан. Более того, общественное давление внутри ЕС обычно принимает форму нажима на национальные правительства с целью защиты национальных интересов (пример – Венгрия в 2009-2012гг.), в том числе на переговорах с правительствами-партнерами. Европарламент, хотя и избирается прямым путем, в целом малоинтересен общественности. Есть проблемы и с развитием дружеских чувств по отношению к различным национальным общностям. Даже если социологические опросы показывают, что британцы стали теплее относиться к немцам, эти чувства отнюдь не взаимны. Кроме того, следует принять во внимание такие процессы, как федерализация и конфедерализация унитарных государств, тенденция к региональной автономизации и т.д.

Наднациональные организации, действующие в настоящее время, основываются на сотрудничестве и поддержке национальных правительств. Когда последние отказываются платить взносы, то соответствующие организации почти ничего не могут сделать с должниками. Если национальные правительства не намерены выполнять резолюции и постановления этих агентств, они фактически оказываются в ситуации беспомощности, так как не могут применять санкции, поскольку национальные организации обладают монополией на вооруженные силы, за исключением сравнительно небольших частных армий. Войска ООН, направляемые в зоны конфликтов, — это подчиняющиеся приказам национальных правительств военные контингенты. К тому же их силы явно недостаточны, и зачастую применение ими оружия даже в целях самообороны весьма ограничено. НАТО, конечно, значительно более сильная наднациональная организация, но и здесь есть свои проблемы в связи с позициями отдельных членов. Более типична ситуация, когда государство (например, США, а также Великобритания и Франция), действующее по собственной инициативе, «прикрывается» международными организациями при осуществлении санкций.

Считается, что золотой век наций-государств уже позади - современные тенденции и процессы придают мироустройству новые контуры более широких объединений либо, наоборот, крайнего измельчания государств (Чехия и Словакия). Нации-государства постепенно утрачивают тот статус ведущих исторических субъектов, которым они располагали на протяжении последних двух веков. Даже если необходимость в нациях-государствах как форме организации власти еще далеко не исчерпана, все же правильнее говорить о том, что национализм и нация-государство как тип государственной организации перестают быть господствующим элементом международной системы. Надо только учитывать, что эта эрозия данного типа государственности затрагивает в первую очередь «ядро» современного мира - самые высокоразвитые

постиндустриальные страны. На периферии складывается обратная картина, и национализм сохраняет значительный мобилизационный потенциал. В то же время нации-государства отнюдь не отказались от своих суверенных прав, передавая наднациональным инстанциям обычно лишь те функции, которые они сами не в состоянии осуществить. Поэтому тезис о кризисе национальной государственности по-прежнему более чем спорен.

Национализм против глобализации

В современных условиях параллельно идут процессы глобализации и партикуляризации - формирования наций из этносов, входящих в состав более широких государственных образований, и утверждения подобных наций в наивысшей политической форме, т.е. как субъектов самостоятельной государственности. Таким образом, как указывает М. М. Лебедева, «современный мир остро переживает действие двух различных по своей направленности тенденций: с одной стороны, *глобализацию*, с другой - *фрагментацию*, обособление отдельных регионов». Феномен национализма питается общемировым противопоставлением глобального и локального. Более широкий процесс глобализации происходит как на уровне системной интеграции (экономики, техники, коммуникаций), так и на уровне социальной интеграции (жизненного мира). Тем не менее в этих процессах наблюдается заметная асимметрия от места к месту в плане ритма и уровня процесса глобализации. Сегодняшний национализм — это местная (локальная) реакция на различные процессы, связанные с глобализацией. Локализация может принимать самые разные формы - от попыток создать новые государства (посредством национализма и сепаратизма), оживления религий и культур и вплоть до попыток образования групп интересов на основе этничности (групп давления, культурных обществ, а также преступных организаций). Еще в 1979 г., американский теоретик Д. Ронен утверждал что логическим воплощением и вероятным последствием принятия принципа самоопределения будет распад на меньшие образования на основе этнических общин, замена наций-государств мировым порядком, составленным «из сотен, возможно, даже тысяч социальных и политических единиц». По его мнению, это приведет в итоге к появлению множества нежизнеспособных государств, что потребует изменения функций международных организаций, превращения их в донорские органы экономического планирования и перераспределения ресурсов.

Долгое время большинство социальных теоретиков верили, что развитие индустриальных обществ будет сопровождаться сглаживанием конфликтов, связанных с этническими и культурными различиями. Например, марксисты полагали, что конфликты такого типа будут преодолены вместе с капиталистической стадией развития общества. Ведущие теоретики, от Т. Парсонса и до Ш. Эйзенштадта, утверждали, что культура и ценности коренной общины в данном социуме постепенно распространяются по периферийным общинам, способствуя преодолению различий. Сторонники разновариантных «теорий модернизации» думали, что конфликты на основе

этничности и религии менее рациональны, чем экономические споры, и скорее всего уйдут в историю по мере роста богатства и подъема уровня индустриализации государств.

Для взглядов такого рода действительно имелись некие основания. Во многих случаях культурные меньшинства фактически слились с большинством, например, комбрийцы и корниши в Англии. Фактически до появления работы С. Хантингтона «Столкновение цивилизаций» мало внимания уделялось и конфликтам на религиозной почве. Между тем с 1970-х гг. националистические движения периферийных районов вновь вышли на повестку дня. Этническая и культурная лояльность среди национальных меньшинств продемонстрировала большой потенциал сохранения. «Малые» этнические группы могут быть наполовину ассимилированы на протяжении жизни нескольких поколений, но если обстоятельства благоприятствуют, вновь начинается быстрый подъем их этнической идентичности.

Революция в коммуникациях также способствует размыванию границ наций-государств, изменению содержания понятий «национальной экономики» (как замкнутой в границах территории системы управления хозяйством и «закрепления» движения рабочей силы внутри одного государства), «национализации» (как возобновления контроля государства над частным капиталом) и т.д. Стала укрепляться система транснациональных структур производства и весьма гибкого международного маркетинга производственных ниш. Причем относилось это не только к «белому» производству. С 1960-х гг., например, начинает действовать международная система наркобизнеса, справиться с которой на уровне наций-государств невозможно. Соответственно возникает также международная система противодействия наркобизнесу. То же можно сказать и о терроризме, отмывании «грязных» денег, криминальной активности. Иными словами, наступающая глобализация полностью меняет облик национализма. Следствием этого является ускоряющаяся фрагментация мира - появление большого числа мини-государств, компенсирующих свои недостаточные государственные и экономические ресурсы региональной и в ряде случаев даже более широкой интеграцией с более сильными государствами, возникновение «серых» зон полукриминального и криминального характера, когда такого рода «мини-образования» живут за счет крепкого соседа. Не случайно возникновение мыслей об «этнической пропасти», перед которой человечество оказалось в начале XXI в. Таким образом, современному миру, наряду с другими, присущи два глобальных противоречия:

- 1) между полиэтничным составом нынешнего общества и территориальной формой его политической организации;
- 2) между глобализацией отношений в рамках мирового сообщества и суверенной формой его структуризации.

Считается, что только около 30% государств современного мира смогли бы выдержать тест на почти полное совпадение национальной

самоидентификации и государственного гражданства. Во всех остальных нациях-государствах этническая гомогенность отсутствует. В ряде случаев это не составляет проблемы. Например, швейцарцы говорят на четырех языках, однако все они считают себя «швейцарцами». Второе поколение иммигрантов в США уже идентифицирует себя прежде всего с «американцами». Однако далеко не во всех случаях языковые, религиозные и культурные различия предполагают отождествление всего населения с одной нацией. В случаях, когда оказывается слишком сильной самоидентификация какой-то небольшой этнической группы, то она часто ставит вопрос о создании собственного государства. Баски в Испании, сикхи в Индии, курды в Иране, Ираке и Турции, французы в Канаде, шотландцы в Великобритании, католики в Северной Ирландии отнюдь не рассматривают себя в качестве части нации, доминирующей в их стране, и нередко хотят выйти из состава соответствующих государств. Конфликты такого рода почти неизбежно выплескиваются за пределы государственных границ, распространяясь на более широкую систему государств.

Если в 1950 г. в мире насчитывалось 60 суверенных государств, в 1990 г. — 160, то в 2009 г. в состав ООН входило уже 192 страны. Столь большое число малых и мельчайших государств — серьезная проблема в ситуации глобализации, и процесс их выделения из более крупных государственных образований продолжается.

Можно сделать вывод, что идущая в современном мире фрагментация государств и диффузия государственного суверенитета - это ответы на процесс глобализации, причем характерные как для передовых, так и для развивающихся стран. Национальные движения меньшинств в последние годы бросили мощный вызов нации-государству как форме политической организации.

На смену «классическим» межгосударственным конфликтам пришли так называемые *конфликты идентичности*, т.е. связанные преимущественно с этническими и религиозными аспектами. Государство более уже не в состоянии выполнить функцию репрезентации всех граждан, конфликты будто бы понижаются по уровню, но от этого не становятся менее интенсивными и кровопролитными. Сверх того, как подчеркивают многие исследователи, обнаруживается сильная тенденция к увеличению доли такого рода идентификационных конфликтов в их общем числе (в 1993 г., например, уже 2/3). «Зона нестабильности», включавшая в эпоху холодной войны преимущественно страны Ближнего и Среднего Востока, ныне охватывает еще и Балканы, Закавказье, пространства азиатского региона.

С одной стороны, глобализация сопровождается попытками навязать новым государствам вестернизированную схему «модернизации», не всегда учитывающую особенности и менталитет проживающих там этнонациональных групп. Ответной реакцией бывает неприятие и отторжение привносимых извне ценностей и схем. Конфликтность современных этнополитических процессов усиливается и в связи с обострением борьбы за

рынки и доступ к сырьевым ресурсам, транснациональным транспортным артериям, маршрутам транспортировки углеводородного сырья. Глобализация сопровождается также **невиданным расслоением населения планеты на богатое меньшинство и бедное большинство.**

С другой стороны, процессы ускоренной национальной самоидентификации многих этнических групп и их консолидация сопровождаются, во-первых, борьбой за влияние между старой и новой политическими элитами, а, во-вторых, острым соперничеством между различными кланами и группировками, что особенно свойственно азиатским странам. Поэтому вопрос о власти неизбежно приобретает этнические и конфессиональные черты.

Проблема этнополитической конфликтности тесно связана с такими актуальными для современного мира угрозами, как этнические чистки, геноцид, конфессиональная и межкультурная нетерпимость, распространение политического сепаратизма, экстремизма и терроризма. Поэтому эти опасности влияют на взаимоотношения между государствами и систематически являются объектом воздействия официальных и неправительственных международных организаций. Они присутствуют в повестке дня ООН, ОБСЕ, ПАСЕ, отражаются в резолюциях Генеральной Ассамблеи и Совета Безопасности ООН. В условиях глобализации ни один более или менее значительный конфликт такого рода не остается сугубо внутренним делом государства, на территории которого он происходит, а непременно приобретает международный резонанс.

Сама по себе культура какого-либо сообщества воспринимается им в обычных условиях как данность, но по мере вторжения в его жизнь инородных «мобильностей», инноваций и средств коммуникации местная культура все больше начинает восприниматься как основа идентификации человека. Таким образом, культура народа влияет на самоидентификацию нации только в динамике, которая, в свою очередь, зависит от общественно-политической и экономической ситуации.

Конфликт между нацией-государством, с одной стороны, и этносом как первичной формой социальной организации, основывающейся на кровном родстве, с другой, представляет собой столкновение качественно разнородных субстанций. Этнос и государство как политический институт находятся будто бы в разных измерениях, отсюда их неспособность к диалогу друг с другом. Поскольку ни одно государство не является моноэтническим, то оно не имеет иммунитета против вспышек этнической неприязни. Однако для актуализации конфликта нужно сочетание вполне определенных условий.

За последние годы резко возрос поток мигрантов из бывших колониальных государств в капиталистический центр, а значит, возникает важнейшая проблема *диаспор*. А. Тойнби в свое время рассматривал диаспоры как неизбежный продукт различий в уровнях развития цивилизаций, когда отсталое сообщество «импортирует» членов более развитого для осуществления тех функций, которые оно пока еще не в состоянии осуществить

самостоятельно. Другим вариантом формирования диаспоры становится «ввоз» представителей более отсталых сообществ для выполнения функций, которые развитый социум уже не может или не хочет выполнять (чернокожие рабы из Африки в южных штатах США в XVIII—XIX вв., ландскнехты из Германии во Франции в эпоху абсолютизма, турецкие рабочие в современной ФРГ и т.д.). По Тойнби, возможны три варианта дальнейшего развития событий:

1) диаспора, после того как необходимость в ней отпадет, будет уничтожена или изгнана;

2) она станет господствующим чужеродным меньшинством, которое управляет большинством коренных жителей;

3) она ассимилируется, подобно британцам в Аргентине.

В любом случае диаспора оказывается на переднем крае националистических столкновений, становится импульсом к радикализации настроений в обществе.

У понятия диаспоры как такового — националистический оттенок, ибо оно предполагает «историческую родину» даже у тех народов, которые на протяжении многих поколений живут в другой стране. В истории известно немало случаев «насильственного напоминания» о чужеродности — депортация поволжских немцев в период Второй мировой войны, интернирование гавайских японцев после нападения Японии на Пёрл-Харбор в 1941 г., политика в отношении албанской диаспоры в Косово в недавнем прошлом. Понятно, что диаспора имеет минимум две стороны: наличие особой идеологии диаспоры, когда ее члены не верят в то, что они интегральная часть общества, в котором живут, а также отношение к диаспоре как к «инородцам» со стороны автохтонного населения. В обоих случаях обычно присутствует множество мифов и легенд, поддерживаемых коллективной памятью. «Диаспора, — подчеркивает российский этнограф и социолог И. Л. Тишков, — это стиль жизненного поведения, а не жесткая демографическая и тем более этническая реальность». Одной из новейших тенденций в развитии этого процесса стало преодоление диаспорами своего чисто этнического или национального характера, выход на «глобальные метафоры» — африканская, азиатская, исламская диаспоры, лица кавказской национальности и т.д. В основу данного явления часто заложены расовая или культурная близость, желание ощущать свою «глобальную принадлежность».

Обычно диаспоры придерживаются убеждения в том, что должны коллективно служить сохранению, защите либо восстановлению своей первоначальной родины. Такого рода настроения были свойственны многим представителям российской эмиграции «первой волны» (после Октябрьской революции). Широко распространена практика, когда «старая родина» активно привлекает «свои» диаспоры для помощи в финансировании различных программ, давления на общественное мнение в стране пребывания, политического воздействия на формирование внешнего курса последней. Например, этим пользуется КНР в отношении китайцев, разбросанных по всему

миру, особенно проживающих в США и Австралии. Сильное влияние в американской политике имеют, например, польская и еврейская диаспоры (отсюда известное выражение по адресу Израиля: «хвост вертит собакой»).

Постепенно идет формирование русскоязычных (российских) диаспор в странах «ближнего» и «дальнего» зарубежья. После распада СССР общая численность зарубежных россиян составила 29,5 млн. человек. Однако здесь все складывается неоднозначно. Например, в США российская диаспора отнюдь не всегда склонна защищать интересы «исторической родины», а нередко наоборот, способствует созданию негативного образа России в качестве формы оправдания своего решения об эмиграции или отражения обид на советскую политику.

Сегодняшние диаспоры — один из самых важных исторических вызовов государствам. Нередко в странах своего пребывания они формируют сети «этнической преступности», создают террористические организации, структуры наркоторговли и т.д., а значит, представляют серьезную проблему для местных сообществ.

Факт, вхождения в парламенты ряда современных европейских государств крайне правых партий националистической ориентации, отражает две проблемы: во-первых, это следствие стандартизации и унификации, которые принесло с собой объединение Европы; во-вторых, просматривается связь с массовым притоком иммигрантов, далеко превосшедшим масштабы традиционных диаспор. Не меньшие проблемы возникают в силу дисперсного, неконцентрированного распределения пришлых этнических групп по территории наиболее развитых стран. Большинство иммигрантов приезжает на «Север» из стран третьего мира, включая «Юг», т.е. из Индии, Бангладеш, Афганистана, Пакистана, Китая, Таиланда, Вьетнама, Камбоджи, Филиппин, Бурунди, Руанды и т.д., население которых отличается от местных жителей и религиозной принадлежностью, и цветом кожи. Самим фактом своего присутствия они бросают вызов традиционной местной культуре, а также самому принципу гражданства как интегрированному единству в пределах определенных границ. Отношение европейцев к этой проблеме ясно выражено в одной из передовиц газеты «Монд»: «Именно тогда, когда нам необходимо сильное чувство национальности, для того чтобы помочь интегрировать и абсорбировать новое поколение иммигрантов, принадлежащих к разным расам и религиям, французов просят перенести свою лояльность на какую-то неясную европейскую идею. Это противоречие вызывает кризис идентичности и подрывает доверие к нашему политическому руководству».

С одной стороны, данные обстоятельства привели к появлению огромного потока научной литературы по «мультикультурализму» и выяснению возможностей адаптации новых иммигрантских групп к условиям Запада (Ч. Тэйлор, Дж. Тулли и др.). С другой, - прилив беженцев и иммигрантов вызвал протест со стороны местных жителей, отличающийся сильным националистическим «привкусом». Отсюда - популярность лозунга

Ж.-М. Ле Пена «Франция для французов». Следует, однако, отметить, что этот политик как лидер Национального фронта выступает в качестве французского, а не франкского патриота, т.е. говорит от имени не «чистокровных франков», а французских граждан, независимо от этнической принадлежности и цвета кожи. Получается, что латвийские ультранационалисты даже превзошли Ле Пена, поскольку настаивают на латышском, а не латвийском патриотизме, а значит, руководствуются не национальными, а этническими лозунгами.

Националистические вспышки отнюдь не исчезли с европейской политической карты. Совсем недавно они случились, например, на Балканах, где подъем этнического национализма был связан с отказом от коммунистической идеологии как скрепы многонационального государства и с последующим распадом Югославии на несколько государств по этническому и религиозному признакам. Дело не только в том, что здесь и сегодня не удастся гармонизировать межнациональные отношения, но также и той ситуации, когда все известные формы существования государств в рамках одного «большого» государства - автономия, федерация, конфедерация - не срабатывают. С этим связана необходимость поиска каких-то альтернатив «догоняющей модернизации» Восточной Европы в направлении складывания наций-государств.

Дезинтеграция СССР - еще один случай активизации этнических настроений, хотя и со своей спецификой. После отделения бывших союзных республик и образования «новых независимых государств», для большинства из которых национализм оказался основной консолидирующей и легитимизирующей силой, внутри России тоже сложились мини-центры национального «сплочения» - Кавказ, Якутия, Татарстан и др. Угроза сепаратизма существует и в ряде не вполне благополучных в экономическом отношении регионов — Дальний Восток, Урал, Сибирь. Однако здесь напряжение между федеральным центром и регионами обусловлено скорее экономическими, чем этническими проблемами.

Тем не менее в современной России довольно сильны и интеграционные тенденции, активно поддерживаемые нынешним федеральным центром, который пытается выстроить «вертикаль власти», унифицировать законодательство и т.д. Не секрет, что именно центр во многом был инициатором дезинтеграционных процессов в стране, поскольку президент Б.Н. Ельцин в 1991 г. предложил регионам брать власти, т.е. суверенитета, столько, сколько они смогут.

Значительные трудности связаны с этническим составом населения. На территории России сегодня живут 152 народа и народности, а этнические русские составляют около 80%. При этом население страны обнаруживает устойчивую тенденцию к убыванию — ежегодно в среднем на 700 тыс. человек, главным образом, за счет русского этноса. Между тем развивается метисизация жителей, что, с одной стороны, подрывает тенденции к этноцентризму, а, с другой, - сказывается на изменении национального характера (своего рода «латиноамериканизация» России).

Важную роль играет также религиозная пестрота: хотя большинство населения исповедует православие, примерно 12-15 млн. россиян - мусульмане. При этом они живут компактными общинами на территории всей страны. Следовательно, «столкновение цивилизаций», по С. Хантингтону, означало бы для России крупномасштабную гражданскую войну со всеми вытекающими отсюда международными последствиями.

Особенно высокой конфликтогенностью на этнической почве отличается Северный Кавказ. На его землях существуют территориальные, внутрисубъектные конфликты, а также споры между республиками и федеральным центром.

Бывшие союзные республики, которых быстрый развал СССР застал врасплох, столкнулись с необходимостью формирования новых политических и экономических механизмов для замены разрушенной советской модели. В сложном процессе трансформации этих государств активную роль играют как внешние, так и внутренние факторы. Наиболее болезненной чертой новой политической действительности на Кавказе и в Средней Азии становятся этнотерриториальные конфликты, которые разрушают стабильность новых государств и одновременно опасны для национальной безопасности России на ее южных рубежах. Так, реальную угрозу российским позициям на Северном Кавказе создает конфликт Грузии с Абхазией и Южной Осетией; военному присутствию России в Армении - нагорно-карабахский конфликт. Россия неоднократно заявляла, что выступает в пользу самого широкого участия ООН и ОБСЕ в урегулировании этнонациональных конфликтов в странах СНГ, однако в то же время признает за собой особую роль в СНГ. Российская политика в отношении нагорно-карабахского конфликта предусматривает участие в работе минской группы ОБСЕ, в трехсторонней инициативе (США, Россия, Турция), а также самостоятельные миссии. При урегулировании кризисов в Грузии Москва была инициатором двусторонних встреч, посредником в рамках Женевских переговоров между грузинской и абхазской сторонами под эгидой ООН и с участием представителей ОБСЕ. Российский контингент, дислоцированный в Абхазии, официально не находился в составе сил ООН, но фактически его длительность в рамках миротворческой операции осуществлялась под началом ООН и связана с задачами международных наблюдателей и Международной комиссии по возвращению беженцев. Азербайджан предпочитал применение многосторонних миротворческих сил. Во всех своих резолюциях по данным конфликтам СБ ООН признает территориальную целостность Азербайджана и Грузии, а также право на широкую автономию Нагорного Карабаха и Абхазии (соответственно резолюции СБ ООН № 822, 853, 874, 884 и 876, 896, 854, 937, 1339). Отметим, что все эти конфликты еще весьма далеки от урегулирования. Стремясь получить политические и экономические дивиденды от Запада, правящие круги Азербайджана и Грузии требуют замены нынешней модели урегулирования на интернациональный вариант под эгидой ОБСЕ и НАТО. Однако данные

организации остаются весьма сдержанными в своих действиях, данный регион представляет для них меньший интерес, нежели Ближний Восток.

Мощная и взрывоопасная конфликтогенность сконцентрировалась в Средней Азии, особенно в Таджикистане. Важную роль в достижении перемирия сыграли ООН, ОБСЕ, а также ряд государств-посредников в переговорном процессе под эгидой международных и региональных организаций ООН. Российское военное присутствие позволило сдержать разрастание вооруженного конфликта. В постконфликтный период государства-гаранты, выполняя свои обязательства, определенные рамками Общего соглашения, способствовали укреплению мира и национального согласия в Таджикистане. Тем не менее сохраняющаяся неурегулированность пограничных споров из-за отдельных территорий содержит потенциальную возможность конфликтов между центральноазиатскими государствами. Очевидно, что на развитие ситуации в регионе влияет и положение в сопредельном Афганистане, поскольку США в ходе антитеррористической операции все же не удалось полностью разрешить проблемы межэтнических и межгрупповых разногласий в этой стране. Значит урегулирование конфликтов, особенно вооруженного характера, требует использования всевозможного арсенала средств и всестороннего участия международного сообщества. Национализм, таким образом, предлагает внешне простые, но по сути нереальные решения, вызывающие напряженность и конфликты. В Нагорном Карабахе, Абхазии, в Чечне это стало одной из основных причин наиболее жестоких войн на территории бывшего СССР.

С еще большими сложностями связаны подобные процессы в зоне третьего мира. Достаточно сказать, что только за последние десять лет на планете произошло свыше 150 войн и конфликтов, преимущественно между нациями-государствами или под лозунгами национального сепаратизма. Только в Африке из 53 ее государств около 30 находятся в постоянном конфликте друг с другом. Несмотря на то, что каждый новый субъект международного сообщества получает автоматически статус нации-государства, процесс этногенеза в большинстве стран третьего мира, в отличие от Европы, все еще не привел к формированию полноценных наций. При отсутствии единого правового и экономического пространства полиэтнический культурный синтез развивается с существенным запозданием. Отсюда усиление этнократических и теократических тенденций, конфликтность в местах соприкосновения различных этносов и конфессий. Пестрый этнический состав Африки двояко воздействует на межгосударственные отношения. Во-первых, обычное дело переход границ соседних государств беженцами. Во-вторых, периодически вспыхивают гражданские войны (например, в Судане, Чаде, Эфиопии) между разными этническими и религиозными группировками, в которые неоднократно вмешивались великие державы, а во времена холодной войны - обе сверхдержавы.

Национально-этнические разногласия часто приводят к вооруженным конфликтам, однако история знает образцы мирного «развода» наций (например, чехов и словаков) и их последующего вполне добрососедского сосуществования. Но значительно чаще межнациональная рознь приводит к войнам, ксенофобии и этноцентризму, обычно выступающими компонентами более общего процесса сползания к авторитаризму.

Одним из проявлений процессов глобализации стало также образование многочисленных организаций национального толка на наднациональном уровне. Все они весьма четко делятся на две категории: ассоциации, занимающиеся проблемами культурной автономии, поддержания связей с соотечественниками и защитой культурного наследия, а также организации агрессивные, подрывные, прибегающие к методам террора и насилия. К первой группе относятся многочисленные центры, работающие преимущественно в рамках диаспор, - еврейские, армянские, индийские и т.д. Другая группа имеет националистический, а зачастую и расистский характер, их деятельность опирается на ксенофобию, шовинизм, ненависть к «другим». К такого рода международным организациям принадлежат неонацисты («Новый порядок» и др.), леворадикальные, радикально-экологические (некоторые группы «Гринпис» и др.), радикально-феминистские, расистские и т.д. формирования. Так, в середине 1990-х гг. в США возник «Новоафриканский фронт освобождения», объединивший в своих рядах некоторых бывших политзаключенных - членов группировки «Черные пантеры», профсоюзы, женские организации радикального толка и т.д. Идеология «Фронта» сводилась к лозунгам: «Власть черным! Земля и независимость!». Члены организации, проявлявшей немалую активность на международных форумах, выступали за право «новых африканцев» на суверенитет и политическую независимость. Они также попытались предъявить претензии от лица не только афроамериканцев, но и мексиканцев, коренных гавайцев, пуэрториканцев и индейцев.

«Политизация ислама», когда к религии обращаются для обоснования своих политических программ, — еще одна характерная черта нашего времени. Эти процессы могут идти под марками «исламской революции» (Иран), «джихада» (священной войны), объявленной моджахедами. В любом случае они сочетают в себе религиозные, националистические и политические аспекты, превращаясь в грозную международную силу. Религиозно-политические группировки в разных странах, проповедующие лозунги установления «исламской власти», часто называют ваххабитскими. Они имеют сторонников по всему Ближнему и Среднему Востоку, действуют в Чечне и Дагестане. Нередко они тесно взаимосвязаны с международными террористическими организациями («Аль-Каида» и др.).

Особую группу представляют организации эмигрантского типа, работа которых сосредоточена на поисках международной поддержки их целей. К числу объединений такого типа принадлежат, например, периодически встречающиеся на конференциях националистические организации бывших

португальских колоний. Их основной целью стало давление на Организацию Африканского Единства с целью отмены резолюции 1984 г., признавшей провозглашение республики фронтом «Полисарио» в южных провинциях Марокко, переданных ему в соответствии с мадридскими соглашениями 1975 г. Международные националистические организации обычно объединяются вокруг какого-то важного вопроса, связанного с пересмотром границ и защитой прав меньшинств.

Идеология национализма занимает заметное место в пестром и неоднозначном движении антиглобалистов. В целом американо-центристский мировой порядок сталкивается с сопротивлением на двух основных «фронтах». Во-первых, это демократическая альтернатива, которая направлена на объединение сообществ, союзов и граждан с преодолением государственных границ и с возложением на транснациональные корпорации определенных функций, в частности, гарантирования социальной ответственности. Антиглобализм включает в себя организованных трудящихся, движения в защиту окружающей среды, потребительские и гражданские инициативы, стимулируя их активизировать связи через границы с аналогичными структурами.

Другую альтернативу представляют крайне правые течения, обязательно включающие в свои программы элементы национализма. Для них все типы интеграции — угроза социальной идентичности соответствующих стран. Например, американские правые рисуют образ США как страны «белых, мужчин и христиан», поощряя враждебность к представителям других наций и культур. Более того, эта националистическая неприязнь все чаще приобретает политическое измерение.

Таким образом, национализм сегодня присутствует не только в бедных и отсталых, но и в высокоразвитых государствах. Крайне правые антиглобалисты не просто противопоставляют национализм глобализации и автономии взаимозависимости, а опираются на наиболее индивидуалистические черты американского «здравого смысла». В глазах американских «патриотов» глобализация предстает как чужеземная тирания - следствие заговора, направленного на разрушение идентичности США, - подчиняющая страну деспотическому «мировому правительству». Характерно, что примерно также рассуждают крайне правые в европейских и других странах, включая Россию.

Следует отметить, что у крайне правых нет единой идеологии или программы, за исключением неких внешних совпадений, но почти всем им присущ «конспиративный» взгляд на глобализацию. Основная «теория заговора» утверждает, что клика «носителей зла» покоряет и эксплуатирует мир по меньшей мере с 1776 г., когда баварский ученый А. Вайсхаупт организовал общество иллюминатов, которое позднее проникло в масонские организации и подчинило их себе. Якобы иллюминаты с масонами, среди которых была семья Ротшильдов, ответственны за Великую Французскую революцию и террор. Они

в виде большевиков-марксистов повторили данную модель, на сей раз добиваясь мирового господства. Именно они «организовали» Октябрьскую революцию в России, искусственно создав «врага» для Запада, - и все это ради господства над миром. Еще одним признаком «заговора», по данной логике, стало возникновение «международного истеблишмента» - своего рода внациональной элиты (Трехсторонняя комиссия, «круглый стол» в Лондоне, Бидельбергская группа или какая-то еще «заговорщическая» организация). Поэтому монархизм, социализм, фашизм, чиновничья элита и капитализм с поддерживаемыми правительствами корпорациями - все это формы антииндивидуалистической монополии на власть (П. Робертсон). В «заговоре» участвуют также международные банки и олигархи. Понятно, что все это имеет сильный расистский и антисемитский подтекст. В то же время националисты из США рисуют образ мира, где американцы занимают уникально привилегированное положение как наследники «божественно инспирированного» социально-политического порядка, англосаксонской культуры или генетического пула, который любой ценой должен быть защищен от внешних вторжений и внутреннего подчинения. Американские националисты обращаются к индивидуалистической и антигосударственной риторике, противопоставляющей республику демократии, н то время как европейские их собратья предпочитают называть себя «государственниками». Понятно, что для привлечения сторонников и те, и другие обращаются к ключевым элементам своей политической культуры.

Явлением последнего времени стало соединение национализма с терроризмом. Терроризм — орудие «слабых», направленное против сильных государств и их правительств. Значительную часть международного терроризма составляют именно националисты. Если провести аналогию с землетрясением, то терроризм часто выступает в качестве результата концентрации и усиливающегося давления национализма, не получающего выхода. Среди наиболее крупных групп националистов-террористов можно назвать палестинцев, сикхов, басков (в Испании и Франции). Довольно часто как среди исламских фундаменталистов, так и, например, в случае Ирландской Республиканской армии (ИРА) националистические и религиозные мотивации взаимосвязаны. У других групп превалируют идеологические мотивы («Красная армия», «Красные бригады», действовавшие в ФРГ и Италии).

С точки зрения географии, наибольшее число террористических актов происходит на Ближнем Востоке. Вторым по значимости регионом для атак террористов выступает Европа (в последние годы также Россия, особенно Северный Кавказ), за ней идут Латинская Америка и Азия. Теракт в отношении башен-близнецов Международного торгового центра в Нью-Йорке 11 сентября 2001 г. указал, помимо прочего, на окончание неуязвимости США для таких атак.

Не секрет, что некоторые государства поддерживают терроризм в качестве своего «тайного оружия». Это явление наменовали *государственным*

терроризмом. США в разные годы называли в качестве такого рода государств Ливию, Сирию, Иран, Кубу. После 11 сентября таковыми они сочли Афганистан и Ирак. Военные операции против подобных государств могут быть как сравнительно малыми («конфликты низкой интенсивности» или тайные акции), так и крупномасштабными военными операциями (Афганистан). Обычно их стараются осуществить под прикрытием международного сотрудничества в борьбе против терроризма, т.е. в данном ракурсе они всерьез влияют на мировую политику в целом.

Очевидно, что «националистическая мобилизация» в конце XX - начале XXI вв. находится под немаловажным воздействием телевидения с его способностью сконструировать воображаемые национальные сообщества посредством превращения «локального события» в общенациональное, если не мировое. Электронные СМИ теперь значительно больше влияют на людей, нежели печать - «праматерь» национализма по мнению Б. Андерсон. Это, разумеется, вовсе не означает, что национализм пробуждается благодаря телевидению, однако СМИ все же стали одной из структурных предпосылок, способствующих его распространению. Сегодня выделяются две главные тенденции национальной идентификации в связи со СМИ. С одной стороны, избыток быстро меняющихся картин и знаков как следствие логики и коммерциализации телевидения делает идентификацию с «большой» нацией весьма зыбкой, а иногда и случайной. Глобализация информации, появление множества зарубежных каналов (преимущественно американских) ставят гражданина-зрителя в центр весьма различных, нередко противоположных дискурсов, эта ситуация создает ощущение сопричастности, в том числе к совершенно иным национальным группам. С другой стороны, в то время как глобализация коммуникаций ограничивает разнообразие. Новости, показываемые по ТВ, предварительно проходят селекцию на уровне правления телекомпаний, поддерживая национальную ориентацию зрителей. Этноцентристская точка зрения остается во многих случаях основным способом сбора, оценки и предоставления новостей. Как следствие, язык и образы, которые используются и распространяются новостями в СМИ, могут очень сильно воздействовать на аудиторию, особенно в том, что касается внешнеполитических проблем, ибо личный опыт зрителей в этой сфере обычно невелик. Имеет, например, большое значение, подается ли возможная военная акция против другой страны как «новый Вьетнам» (так было во время интервенции США и НАТО в Боснии и Герцеговине) или как «кампания против нового Гитлера» (период «Бури в пустыне»). СМИ, таким образом, на этапе национального подъема в состоянии создать климат моральной паники; ненависти к «другому», пробудить или, наоборот, остудить всплеск национальных либо этнических чувств. Поэтому СМИ способны служить как процессам глобализации, так и пробуждению национализма. В любом случае их воздействие на общественное сознание исключительно велико.

Националистические движения - яркая иллюстрация того, что анализ политики исключительно на уровне наций-государств неадекватен для глубокого понимания мировой политики. Идеи всегда имеют более масштабные, даже глобальные последствия.

Вопросы по теме

1. Что такое национализм?
2. Какие подходы существуют для объяснения этого явления?
3. Почему национализм оказывает противодействие процессам глобализации?
4. Есть ли будущее у «нации-государства»?
5. Каково значение национализма в мировой политике?

Тема 4. Значение различий в культуре для международных отношений и мировой политики.

Необходимость учета культурных различий в международных отношениях. Развитие представлений о роли культуры в истории и политике. Цивилизационные изменения и мировая политика. Взаимодействие цивилизаций в будущем мире. Международные отношения, культура и государство в современном мире.

Необходимость учета культурных различий в международных отношениях. Существенные культурные различия между социальными общностями — очевидный факт. Язык, облик, особенности поведения людей в частной и в публичной жизни, архитектура, живопись и многое другое составляют культуру общества. Какова же роль этих различий в международных отношениях и мировой политике?

Необходимость учета специфики мышления и поведения людей, принадлежащих к иной культуре, не вызвала сомнения в среде дипломатов и бизнесменов. Среди исследователей международных отношений в 50-70 гг. XX в. значительная часть специалистов (преимущественно в США) предпочитала строить теоретические концепции, игнорируя факторы культуры ради идеи *универсальной рациональности*, т.е. представления, согласно которому существует общечеловеческая логика рационального выбора, - человек ведет себя таким образом, чтобы максимизировать полезность, получаемую в результате принятия решения.

Усиление понимания фундаментальной роли культурной неоднородности международного сообщества в мировой политике связано с новыми подходами, возникшими в начале 1990-х гг. Появление их вызвано среди прочих причин крушением коммунистических режимов в Восточной Европе, быстрым ростом числа этнических и религиозных конфликтов как на территориях бывших соцстран, так и в Азии, Африке, преимущественно на землях прежних империй и колониальных владений. Дискуссии о влиянии культурных различий особенно усилились в связи с событиями 11 сентября

2001 г., породившими у многих ощущение, что мир входит в фазу «столкновения цивилизаций».

Становление иных политических систем, импорт институтов и форм хозяйствования, появление глобальных информационных сетей заставили общественность разных стран, прежде всего политиков и экспертов, по-иному посмотреть на роль культурных факторов в жизни общества и во взаимодействии между государствами. Без преувеличения в последнее десятилетие XX в. восприятие и учет функций культуры в мировой политике превратились в серьезный вызов для политиков, дипломатов и научного сообщества. Этот вызов во многом формирует новое понимание таких проблем, как взаимоотношения Севера и Юга, трансформация политических систем и экономических институтов в переходных обществах, религиозный фактор (прежде всего ислама) в мировой политике.

Вместе с тем можно сказать, что проблема роли культуры в политике не нова. В наиболее общей форме культуру можно определить как совокупность знаний и представлений о мире, разделяемых членами некоего сообщества. Сразу подчеркнем, что термин «культура» в этом случае может применяться в двух смыслах - оценочном и дескриптивном. В оценочном значении о ней говорят в случае сравнения *уровней культур*, т.е. объема знаний, которыми обладают общества или их отдельные представители. В дескриптивном смысле представления о культуре используются тогда, когда говорят о фактическом несовпадении знаний и представлений о мире в различных обществах, безотносительно к их объему. В современных условиях признание равноценности неодинаковых культур - одно из базисных положений в деятельности мирового сообщества, и в дальнейшем понятие культуры будем применять преимущественно в дескриптивном плане.

Очевидно, что степень различия между культурами человеческих сообществ может значительно изменяться. Существуют различия в культуре между Севером и Югом России, но они меньше, чем несходство культур России и Италии. В свою очередь, различие между культурами Италии и Польши европейских католических стран меньше, чем разница между их культурами и, например, культурой Марокко. Общества с относительно небольшими культурными различиями можно — в целях классификации — агрегировать в более крупные единицы. Иерархия культурных различий должна иметь какой-то предел сверху, а значит существуют самые крупные культурные общности, интегрировать которые способно только представление о *мировой культуре*, - такие макрокультуры называют цивилизациями. Исследователи расходятся в оценке количества нынешних цивилизаций, но более или менее общепринятым является представление о наличии следующих цивилизаций: евро-атлантической (христианской), исламской, индуистской, буддийской и конфуцианской. Отметим, что эта классификация цивилизаций основана на религиозных признаках. Возможны и другие систематизации, выделяющие в качестве отдельных цивилизаций латиноамериканскую и африканскую.

Другое важное с точки зрения анализа культурных отличий измерение - временное. Культура каждого из человеческих сообществ со временем меняется, и в некоторых случаях эти изменения могут иметь «качественный», а не количественный характер (например, изобретение письменности, позволяющее фиксировать историю общества, или переход от магии к религии). В таком случае стоит говорить о «фазах развития» культуры. Если учесть тот факт, что разнообразные общества эти фазы проходят не синхронно, то временное измерение способно трансформироваться в «пространственные измерения», а значит вполне вероятно синхронное существование обществ, находящихся в разных фазах развития. Здесь естественно возникает важнейший вопрос о том, **как взаимодействуют между собой общества, находящиеся в различных фазах культурной эволюции.**

Выделение Современности или Модерна в качестве одной из подобных фаз и в качестве оппозиции **традиционному обществу** неизбежно ведет к проблеме модернизации традиционных обществ - одной из центральных для нынешней теории международных отношений и самих международных отношений.

С фиксацией неравномерности развития культуры связана и важная дихотомия «**центр - периферия**», в соответствии с которой центром считаются общества и территории в более продвинутой фазе развития, а периферией - общества и территории в менее продвинутой фазе.

С обнаружением какой-либо пространственной неоднородности в описании сосуществующих человеческих сообществ немедленно возникает вопрос о ее роли в динамике взаимодействия этих сообществ. Неоднородности в военной мощи, экономическом развитии, демографическом потенциале и т.п. естественным образом проецируются на отношения между человеческими сообществами и, следовательно, на международные отношения и мировую политику.

Культурная неоднородность сообществ обладает аналогичной проекцией, например, тот факт, что границы национальных культур не совпадают с государственными, - одна из наиболее серьезных причин конфликтов между странами. Очевидно не меньшее значение способны иметь и «цивилизационные разломы», хотя обычно цивилизации являются более крупными единицами, чем нации. Столь же важными могут оказаться границы между «модернизированными» и «традиционными» обществами или рубеж между центром и периферией.

Следовательно, изучая международные отношения и мировую политику, мы вынуждены обращать внимание на культурные и цивилизационные различия между человеческими сообществами ради понимания того, как они влияют на политику отдельных государств, на функционирование неправительственных и международных организаций, на общественное мнение и массовое поведение.

Развитие представлений о роли культуры в истории и политике

В Новое время на проблемы культуры и цивилизации как средства изучения жизни общества обратил внимание итальянский мыслитель Джамбаттиста Вико, сформулировавший свои взгляды в книге «Основания новой науки об общей природе наций» (1725г.). В отличие от большинства просветителей, основавших свои идеи постоянного общественного прогресса на «универсальной рациональности», т.е. на абсолютном господстве всеобщих законов логики, а также на отношении к религии и укоренившимся обычаям как к пережиткам, которые должны преодолеть для построения общества на основе законов «универсального разума», Вико с вниманием относился к верованиям и обычаям народов. Он не считал возможным пренебрегать реальным состоянием социума и отвергал мысль о «непрерывном поступательном прогрессе» в пользу идеи «круговорота», в процессе которого культура дряхлеет, и этот процесс снова и снова повторяется и приводит к смене периодов культурного подъема и «нового варварства».

Идея круговорота культуры уже во времена Вико не была новой - сходные представления можно найти и у Платона и у Полибия. Однако оппозиция Вико по отношению к оптимизму просветителей-рационалистов по поводу непрерывного прогресса была знаковым существенным явлением.

Важнейшее положение теории Вико - утверждение о «сделанности» истины как в математике, так и в социальной практике, что, по его мнению, отделяло математику и общественные науки от физики. Этот конструктивистский взгляд на общество, ведущий к признанию особой роли культуры в социальных исследованиях, привлек внимание к трудам Вико таких известных современных исследователей в области политической теории, как И. Берлин, Ю. Хабермас, Х. Алкер, рационализировавших некоторые идеи мыслителя Нового времени в дебатах о социальном конструктивизме в противоположность «реализму». У Вико человеческая история оказывается «сделанной» (сконструированной), что дает людям возможность понять ее лучше, чем окружающую их природу.

В направлении, близком к некоторым идеям Вико, развивал свои исследования глобальной истории протестантский пастор Иоганн Готфрид Гердер, чей основной труд «Идеи к философии истории человечества» (1784—1791) отразил его взгляды на человеческое общество как на органическое целое. Гердер рассматривал человеческую энергию в качестве главной движущей силы истории, а термин «цивилизация» понимал преимущественно в оценочном смысле. В то же время ученый отчетливо видел различия между древними цивилизациями, формирование которых, по его мнению, зависело как от унаследованной традиции, так и от «почвы», влиявшей на характер цивилизации. При этом Гердер придерживался просветительской точки зрения на поступательный прогресс истории, одновременно отметив «усталость от порядка» в качестве причины падения цивилизаций прошлого.

Радикальный шаг в переосмыслении роли культуры и **цивилизации** в мировой истории сделал русский мыслитель Н. Я. Данилевский. В его главном труде «Россия и Европа» (1869) по-новому был поставлен вопрос о соотношении мировой истории и истории отдельных цивилизаций. Данилевский ясно и последовательно ввел в исторический анализ биологическую метафору жизни. История цивилизаций для него - это история рождения жизни и смерти организмов. Для него народ (составляет основу государства, а своеобразие жизни народа, т.е. его культура, определяет характер государства. Он отмечал также, что нации не являются абсолютными, ограниченными от других наций индивидуальностями. Между группами наций могут существовать связи, приводящие к образованию форм сотрудничества, - союзов, федераций; при этом возникают общности, характеризующиеся как цивилизации. Каждая из них обладает определенным характером или типом. Он складывается в процессе исторического формирования цивилизации, в котором особая роль отведена религии. Данилевский предлагал подойти к историческому процессу примерно так, как подходят в эволюционной биологии к изучению развития видов, - вначале создать классификацию типов обществ, а затем проследить эволюцию каждого из них **в предположении, что ее причиной являются взаимодействие и соперничество на мировой арене.** Основной целью Данилевского была аргументация в пользу существования славянской цивилизации как отдельной социальной общности в противовес романо-германской цивилизации Европы. В этом отношении Данилевский - предтеча русских «евразийцев» 1920-х гг. и таких социальных мыслителей, как Л. Н. Гумилев.

Принимая подобный взгляд на историю, можно прийти к выводу, что **мировая политика является процессом конкуренции цивилизаций**, борющихся за место на Земле. Именно этот взгляд последовательно развивал Освальд Шпенглер, который довел до предела биологическую метафору «жизни» при описании эволюции человеческих сообществ. Культура общества представлялась ему абсолютным органическим единством, выведенным из одного доминирующего принципа: в Древнем Египте - из ощущения времени, в современной западной цивилизации - из «фаустианской души», т.е. стремления овладеть миром через знание, и т.д. Для Шпенглера характерна идея о замкнутости и непроницаемости культур, каждая из которых проходит цикл развития - рождение, расцвет, упадок, смерть. При этом он вводит оценочное противопоставление цивилизации и культуры: цивилизация — это культура, лишенная жизненных сил, выхолощенная, умирающая, где место творчества занимает «политика», а органическая жизнь заменяется механическим функционированием. Значимой особенностью культуры, по Шпенглеру, является ее «тотальность»: все, что производит данное общество (политика, бизнес, банковское дело, способы военной организации), есть культура, а следовательно, все выводится из одного базисного принципа, определяющего ее развитие. Важнейший вывод Шпенглера, сделавший его книгу «Закат

Европы» (1918-1922) бестселлером, - утверждение о переходе Запада в фазу «цивилизации», что свидетельствует о его близкой смерти.

Под сильным влиянием Шпенглера написан грандиозный труд британского историка Арнольда Тойнби «Исследование истории» (1934-1961). Этот ученый также рассматривал мировую историю как историю развития отдельных цивилизаций. Он применил ту же биологическую метафору, что и Данилевский со Шпенглером: каждая цивилизация проходит в своем развитии четыре фазы: возникновение, рост, надлом, разложение. На время написания книги Тойнби насчитал в современном для него мире пять цивилизаций - западную, исламскую, русскую, индийскую, китайскую. В процессе своей работы ученый изменил первоначальную (очень жесткую) концепцию, а в конце жизни сделал большой упор на взаимодействие и взаимовлияние цивилизаций, элементы наследования живущими цивилизациями опыта исчезнувших. Тойнби считал цивилизацию созданием **«творческого меньшинства»** и скептически относился к возможностям участия в цивилизационном творчестве основной массы населения. Он детально изучал механизмы цивилизационного творчества, анализируя деятельность основателей цивилизации и обращая особое внимание на механизм «ухода - возврата», т.е. на необходимость временной изоляции творца раньше, чем он вернется в общество с готовым учением. Ученый также подробно исследовал причины надлома, основа которого представлялась ему двойственной: внутренняя стагнация в комбинации с давлением «внешней» реальности, преобразующей в очевидность неадекватность консервативных установок. С точки зрения Тойнби, цивилизации - основные актеры в драме мировой истории; и политика, и судьба цивилизаций имеют для мировых процессов большее значение, чем судьба и взаимодействие отдельных государств. Время жизни цивилизаций - это «макроремя», для которого отдельные судьбы наций значимы лишь с точки зрения перехода цивилизации из одной стадии развития в другую. Так, внутрицивилизационные конфликты могут вызвать надлом и разложение, но судьба цивилизации в целом - более масштабное явление, чем частный конфликт наций.

В современном дискурсе о мировой политике и международных отношениях идеи цивилизационной эволюции имеют большое значение. К слабым сторонам этой концепции можно отнести отсутствие точных критериев определения цивилизации как целого и отдельных фаз ее развития. Во многих случаях в рамках этой концепции можно интерпретировать конкретные процессы и явления мировой политики в прямо противоположных смыслах. Например, стали ли события 1950-1960-х гг. в КНР надломом и может быть разложением китайской цивилизации или были лишь началом новой фазы расцвета (XXI в. - век Китая)? Являлся ли ошеломляющий успех Японии в 1950-1980-х гг. отправной точкой «тихоокеанской эпохи» в мировой политике или началом конца японской цивилизации, ломающейся под массивным воздействием западного образа жизни?

Цивилизационные изменения и мировая политика

Известны многие попытки периодизации мировой истории. Самая распространенная из них - это последовательность: Античность - Средние века - Возрождение - Новое время. Данная периодизация продолжает широко использоваться несмотря на ее очевидную европоцентричность. Действительно, ни Античность, ни Возрождение невозможно обнаружить, например, в Китае или Японии. Попытки академика Н. И. Конрада распространить идею Возрождения как особой фазы мирового развития на неевропейские цивилизации не имели большого успеха. Марксистская пятичленная периодизация мировой истории - первобытное общество, рабовладение, феодализм, капитализм, коммунизм, даже если не обсуждать сомнительность последней фазы, также вызвала значительные проблемы при ее применении к неевропейской истории (прежде всего в связи с дебатами об азиатском способе производства).

«Осевая» периодизация мировой истории, вызывающая наибольшую полемику, непосредственно связана с проблематикой мировой политики через представление о Модерне (о Современности). Этот подход, интенсивно развиваемый в последнее время известным израильским социологом и историком Шмуэлем Эйзенштадтом, связан с работами К. Ясперса («Смысл и назначение истории», 1949 г.) и А. Вебера («Прощание с прежней историей», 1946 г.). В краткой формулировке данная концепция периодизации истории предполагает, что где-то около VII-V вв. до н. э. в различных регионах мира почти одновременно произошло осознание «трансцендентного единства» человечества: на смену трайбалистским религиям, склонным к магии, пришли религии, основной целью которых было позиционирование человека перед лицом трансцендентной реальности (ее можно представить себе как надчеловеческий разум). Имеются в виду Яхве в Израиле, Логос в Греции, Брахман в Индии, Дао в Китае - с точки зрения теории «осевого времени» эти представления фиксируют структурно близкие прорывы человека к иному, трансцендентному миру и вовлекают его в единый поток истории, до того видевшейся совокупностью отдельных этнических ручейков.

Несмотря на кажущуюся абстрактность, данный подход, по мнению многих исследователей, обладает весьма практическим значением и при интерпретации современной культуры. Одна из книг Эйзенштадта «Культура Японии» посвящена доказательству тезиса о том, что названная культура не принадлежит к «осевому времени», а, следовательно, это общество не пережило шока, связанного с соприкосновением с трансцендентной реальностью, что и определяет его многие специфические черты.

Теория «осевого времени» имеет и серьезные социологические импликации - восхождение на новый уровень рефлексии, по мнению ее сторонников, привело в обществах «осевого времени» к созданию особых социальных групп «интерпретаторов» и «передатчиков» традиции трансцендентной рефлексии. Это в конечном счете способствовало возникновению религий, которые изменили облик Древнего мира сначала на

рубеже нашей эры - через распространение христианства в Средиземноморье и буддизма в Центральной Азии и Китае. А после появления ислама и распада средиземноморской цивилизации на христианскую Европу и мусульманские Северную Африку и Ближний Восток и облик Европы (последняя точка зрения, правда без связи с теорией «осевого времени», убедительно аргументирована бельгийским историком А. Пиренном в книге «Карл Великий и Мухаммед»). Еще одна поворотная точка мировой истории — это переход к Модерну (Современности). Среди теоретиков Модерна следует отметить ряд крупных современных философов, историков, социологов: Ю. Хабермаса, С. Тулмина, Э. Гидденса, Ш. Эйзенштадта, Б. Виттрока. Яснее всего концепция Модерна изложена в книге американского историка науки Стефана Тулмина «Космополис». Автор рассматривает Модерн как эпоху рационализма, т.е. торжества представлений об умопостижимости мира. Такой взгляд, по его мнению, вызывает новое отношение к обществу, где социальные институты и правила поведения становятся предметом «рационализации», т.е. анализа с точки зрения эффективности. Рационалистический взгляд в противоположность предшествующему гуманистическому, доминировавшему в эпоху Возрождения, концентрирует внимание человека не на нем самом, а на его деятельности по изменению мира. С. Тулмин связывает возникновение Модерна с распространением взглядов Декарта и Лейбница. По поводу времени появления Модерна существуют различные мнения. Так, Эйзенштадт и Виттрок склонны сдвинуть начало Модерна позднее - в XVIII в., - тесно увязывая возникновение нового взгляда на мир с конституированием социальных наук (Виттрок) и американской революцией, реализовавшей социальные ценности этой эпохи (Эйзенштадт). Э. Гидденс выделяет «высокий Модерн», пришедший в XX в. и характеризующийся повышенной степенью рефлексивности в отношении социальных институтов, существующих в обществе.

Учитывая эти мнения, можно отметить, что основным отличием Модерна от предшествующих эпох стала практика обсуждения имеющихся социальных институтов, которые перестали рассматриваться как «данные Богом» или «унаследованные от традиции». Они превратились в предмет открытой дискуссии и изменения. Такое отношение к ним в обществе привело к распространению и столкновению различных идеологий, выдвигавших собственные и часто несовместимые проекты социальных трансформаций. Идеологическая борьба радикально переменяла и ландшафт международных отношений, так XX в. был временем международных конфликтов, определявшихся идеологическими противостояниями, кульминацией которых стали Вторая мировая война, а вслед за ней и «холодная война».

В отличие от религиозных войн предшествующего периода (арабских завоеваний, Крестовых походов, битв эпохи Реформации, в которых изменение социального порядка не было центральной проблемой), войны XX в. имели во многих случаях отчетливо выраженный характер борьбы за «социальный проект». В таком случае возникает вопрос: как соотнести глобальные со-

циальные проекты Модерна с фундаментальными цивилизационными различиями? Его постановка прямо ведет к обсуждению идеи «множественности Современностей» (Эйзенштадт, Виттрок). В связи с этой идеей возник ряд вопросов, ставших предметом интенсивных исследовательских дискуссий:

1. Как соотносятся между собой различные типы социальной рефлексии, складывающиеся в несходных между собой цивилизациях?

2. Означает ли появление и институционализация социальной рефлексии в виде глобальных проектов социальных изменений конец цивилизационных различий и установление единого взгляда на мир, единой по своей природе рациональности на всем пространстве нашей планеты?

Эйзенштадт и Виттрок склонны отвечать отрицательно на последний вопрос. По их мнению, разнообразные, цивилизационно-детерминированные типы социальной рефлексии и сознательного социального проектирования, несмотря на все их различия, все же обладают основными характеристиками Модерна.

Взаимодействие цивилизаций в будущем мире

Идея «множественности Современностей», предполагавшая цивилизационную неоднородность Модерна, не была единственным вариантом интерпретации нового этапа мировой истории, начавшегося после крушения режимов «реального социализма» в Восточной Европе и прекращения идеологического противостояния между сверхдержавами, одна из которых перестала существовать.

Распад СССР и триумф либеральных ценностей привели к возрождению идеи «конца истории», заявленной в конце 1980-х гг. американским исследователем Фрэнсисом Фукуямой. Согласно Фукуяме, мир после «распада» трансформировался в цивилизованное однородное пространство, в котором в соответствии с представлением об отсутствии битв между демократическими государствами должны были закончиться войны. Политическая реальность очень быстро продемонстрировала утопичность идеи «конца истории». Нужны были новые объяснения. Действительно, они были очень скоро найдены.

В 1993 г. американский политолог Сэмюэл Хантингтон в своей статье предложил рассматривать «столкновения цивилизаций» как основной фактор, генерирующий международные конфликты. Он начал со статистики конфликтов, демонстрируя, что их значительная часть приходится на регионы, по которым проходят «цивилизационные разломы» (в качестве примеров - Балканы, Прибалтика, Кашмир, Синьцзян и многие другие). Типологию цивилизаций, развитую в работах Шпенглера и Тойнби, Хантингтон использовал для обоснования следующего тезиса: различия во взглядах на мир, прежде всего ценностные, которые вырабатывались в течение веков в рамках отдельных цивилизаций, не могут не привести к конфликтам на международной арене. Этот аргумент - своеобразное развитие идей Тойнби о

том, что цивилизации как наиболее крупные социальные общности должны играть существенную роль в мировой политике. Хантингтон подчеркнул, что особенности культуры и цивилизационные различия гораздо более устойчивы и труднее изменяются, чем политические и экономические. Учитывая тот факт, что в соответствии со стандартной типологией цивилизаций их религиозные компоненты являются наиболее существенными характеристиками, мир, по представлениям Хантингтона, должен погрузиться в эпоху квазирелигиозных войн.

После событий 11 сентября 2001 г. в СМИ по всей планете возник бум обсуждения идеи «столкновения цивилизаций». С одной стороны, произошедшее 11 сентября вроде бы свидетельствовало в пользу тезисов Хантингтона. С другой, - эти идеи были подвергнуты весьма серьезной критике различными исследователями и общественными деятелями как на Западе, так и в среде исламской интеллигенции. Например, американский культуролог Эдвард Сайд обратил внимание на то, что события «11 сентября» нельзя считать подтверждением идеи «столкновения цивилизаций» по той причине, что в данном случае речь идет об акте ограниченной группы лиц, не отображающих ни в коей мере исламскую цивилизацию в целом, а типичные для массового сознания попытки распространения способов поведения отдельных представителей того или иного социума на весь социум не могут служить основанием для серьезных выводов исследователей мировой политики. Однако неясно, с чем (в случае событий 11 сентября) приходится иметь дело - с антиамериканизмом некоторых групп в арабских и мусульманских странах или с проявлением фундаментальных различий во взгляде на мир и перспективы его развития, которые неустранимы путем переговоров и компромиссов. Первое, судя по реакции общественности в большинстве мусульманских стран, гораздо более вероятно.

Теории, подобные идеям о «конце истории» и «столкновении цивилизаций», встречаются при их интерпретации по крайней мере с одной серьезной трудностью: чрезвычайно сложная сфера мировой политики, в которой действует огромное количество субъектов самой разной природы (отдельных людей, партий, движений, международных и неправительственных организаций, наций-государств), т.е. субъектов, находящихся в неодинаковых условиях и движимых различными ценностями и интересами, при объяснении ее динамики редуцируется к одному простому фактору. Такой подход позиционирует теории типа «конца истории» и «столкновения цивилизаций» не среди научных теорий, а скорее среди идеологий. Это, впрочем, не мешает подобным концепциям, как бы они ни соотносились с эмпирической реальностью мировой политики, становиться серьезными факторами эволюции данной реальности.

Международные отношения, культура и государство в современном мире

Анализ культурных факторов затрагивает всю сферу мировой политики и международных отношений. В период рождения теории международных отношений в 1950-е гг. это влияние было не столь очевидным как сейчас. Доминировавшие в англосаксонском научном сообществе теории реализма, рационального выбора базировались на иных предпосылках, принимая во внимание в первую очередь структуру национальных интересов государств и соотношение сил между ними. Макроистория, цивилизационные и культурные различия если и использовались в анализе международных отношений, то только для изучения «периферийных» сюжетов, собственно же «высокая теория» строилась исходя из европоцентристской модели мирового развития, позволяющей игнорировать факторы культуры. Ситуация 1970—1980-х гг. привела к существенным изменениям во взглядах на процессы мировой политики. Появились новые теоретические построения, ставящие факторы культуры в центр политического анализа. Один из наиболее известных сторонников учета факторов культуры в анализе мировой политики — французский исследователь Бертран Бади.

Бади фиксирует три кризисных аспекта в объяснении современных международных отношений:

- 1) кризис универсализма;
- 2) кризис объяснения;
- 3) кризис в отношениях с историей.

Как считает Б. Бади кризис универсализма вызывается необходимостью учитывать социальный контекст в анализе международных отношений. Результаты действий сильно зависят от среды, в которой они осуществляются, и, более того, от степени тотальности влияющих факторов. Кризис объяснения Б. Бади связывает с наличием множества рациональностей, определяемых различиями в культурной эволюции. Он связывает его с пространственными различиями. Общества, живущие в неодинаковых условиях, вырабатывают свои специфические средства понимания мира и способы взаимодействия с ним. Таким образом, кризис объяснения провоцируется экстраполяцией «западного» взгляда на социальный анализ за пределы сферы его реальной эффективности. Наконец, кризис в отношениях с историей, по мнению Б. Бади, «временной» кризис, вызванный тем, что условия формирования государств зависят от времени, а сейчас государственное строительство происходит в совершенно иных обстоятельствах, чем 200—300 лет назад. При этом он отвергает возможность существования универсальных «законов истории». Конкретные исследования политических отношений в мусульманских странах позволяют Бади сделать вывод о том, что универсальные теории «не работают» в качестве средства объяснения политических процессов в этих обществах и, следовательно, построенная на универсалистских принципах теория меж-

дународных отношений не в состоянии объяснить взаимодействие данных стран с Западом.

Еще более радикальные взгляды представлены постмодернистским течением в теории международных отношений, ставшим популярным с середины 1980-х гг. Постмодернисты в значительной мере под влиянием таких мыслителей, как М. Фуко и Ж. Деррида гиперболизируют контекстуальность социального действия, соответственно существенно уменьшая значимость социальных институтов. Такой подход, с одной стороны, приводит к изменению взгляда на роль государства в мировой политике вплоть до полного его «растворения» в отдельных контекстуально зависимых акциях, слабосвязанных между собой субъектов социального действия («конец суверенитета», описанный Р. Уолкером), с другой, - переносят внимание на действия и процессы «внесистемного» характера, являющиеся вызовом имеющимся «системным» социальным институтам (Дж. Дер Дерриан). Терроризм, феминистское движение, действия социальных и этнических меньшинств, маргинальные группы и слои общества оказываются в центре внимания как основные субъекты «вызова», способные провоцировать изменения в общественной системе. Маргинальная часть общества, его периферия начинают рассматриваться в качестве «центра», кристаллизующего будущие изменения. В этом отношении постмодернизм близок леворадикальной традиции в европейской политике, с которой он генетически сильно связан - многие из теоретиков постмодернизма в свое время участвовали в леворадикальных политических организациях. Различие в культурах, во взглядах на общество, а также их противопоставление «системному» взгляду, акцентирующему внимание на интеграционных процессах, — основные черты постмодернистской социальной теории. В этом смысле последняя существенно отличается от «универсальной рациональности» модернистских теорий.

Описание подходов, ставящих факторы культуры и цивилизации в центр анализа мировой политики и международных отношений, будет не полным без рассмотрения работы Хендрика Спруйта «Суверенное государство и его соперники». Х. Спруйт не расчленяет государство на множество контекстуально зависимых субъектов, как это делают постмодернистские теоретики, но поступает не менее радикально: он ставит под сомнение универсальность формы и структуры современного государства, анализируя не только его исторические корни, но и альтернативные формы, обычно игнорируемые теоретиками-«универсалистами» как незрелые плоды темных эпох. Спруйт задает вопрос: по каким причинам в Европе на пороге Нового времени абсолютное государство, интегрированное бюрократической иерархией, уступило место конфедерациям и союзам государств, имевших столь большое значение в эпохи Средних веков и Возрождения? С его точки зрения, сама структура государственного образования и его отношений с другими государствами является фактором культуры и, как всякий подобный факт, подвержена эволюции. Это означает, что существует постоянное

конкурентное давление на доминирующие формы государственности со стороны других, маргинальных в данный момент форм. Такие маргинальные формы при определенных обстоятельствах, вызванных экономическими, технологическими и социальными изменениями, снова способны стать доминирующими. Следуя этой логике, нетрудно обнаружить, что **«нация-государство»** как центральный субъект международных отношений не может быть универсальной и вечной. Изменение доминирующих государственных форм, например, в пользу слабых конфедераций регионов, в состоянии в принципе преобразовать характер мировой политики. Современное «универсалистское» государство может и не устоять под давлением диверсифицированных по культуре регионов. Тем самым региональные культурные различия способны стать доминирующим фактором мирового развития. Некоторые процессы, идущие в настоящее время в Европейском союзе, стоит рассматривать как подтверждение такой тенденции.

Роль культурных и цивилизационных факторов в политической жизни современного мира не определена окончательно. Существуют противоборствующие тенденции централизации и децентрализации, универсализма и роста культурных различий, глобализации и регионализации. Вряд ли доминирующие в какой-то период времени тенденции можно считать одержавшими бесповоротную победу. Цивилизационные и культурные факторы - это прежде всего факторы, вносящие неопределенность в будущее.

Вопросы по теме

1. Какова роль культурных различий в международных отношениях?
2. Как развивались представления о роли культуры в обществе?
3. Является ли мировая политика процессом конкуренции цивилизаций?
4. Какие существуют подходы к периодизации мировой истории?
5. Ждет ли наш мир в XXI веке «схватка цивилизаций»?

Тема 5. Неравномерность мирового развития

Неравномерность развития - важнейшая проблема. Изменение подходов к проблемам бедности и богатства. Международная помощь развитию.

Неравномерность развития - важнейшая проблема. Современное мировое развитие придает новые акценты широкому кругу международных проблем. К важнейшей из них относится проблема разрыва между «Севером» и «Югом», которую связывают с общими условиями взаимодействия промышленно развитых и развивающихся стран. Отношения этого взаимодействия стали важными после распада колониальной системы, а термины «Север» и «Юг» заняли прочное место в политическом лексиконе, и часто фигурируют как синоним противоречий между «богатыми» и «бедными» странами, как вектор глобальной конфронтации XXI в.

Анализ реальной ситуации сложившейся в регионах, относимых к «мировому Югу», и тенденций, доминирующих в международной политике после окончания «холодной войны», не подтверждает катастрофические

прогнозы, но предполагает чрезвычайное усиление внимания к многочисленным рискам, связанным с бедственным положением большей части человечества.

Проблемы связанные с существованием бедности. Тяжелые социальные условия в регионах мирового Юга (это около 140 развивающихся стран, по классификации ООН), где сегодня проживают примерно 80% населения нашей планеты, давно стали источником серьезной озабоченности. Общая ситуация в регионах Юга значительно отличается от существовавшей 15 - 20 лет назад, но различия в уровне жизни между развитыми и развивающимися странами, по всеобщему признанию, - один из важнейших гуманитарных вызовов современности (примерно 20% населения Земли, проживающих в странах северного полушария, потребляют около 90% всех производимых товаров, почти 60% вырабатываемой энергии, а их доходы превышают доходы жителей развивающихся странах в 60 и более раз. При этом почти пятая часть населения планеты в XXI веке существует в условиях примитивного натурального хозяйства. Для сопоставления различных стран по уровню развития выработаны показатели. Один из самых используемых - индекс человеческого развития, который учитывает не только ВВП государства, но и такие социальные параметры как продолжительность жизни, образовательный уровень и др. По оценкам программы развития ООН (ПРООН), к началу XXI в. в пятерку ведущих стран мира вошли Канада, Норвегия, США, Япония, Бельгия, а замыкают список «африканцы» — Бурунди, Буркина-Фасо, Эфиопия, Нигер и Сьерра-Леоне).

Параметры разрыва между Севером и Югом в обобщающих цифрах не отражают реальную картину мира, более многообразную, чем отражающая ее статистика. М.М. Лебедева считает, что современный мир представляет собой скорее некую „мозаику" по уровню жизни, а не четко разделенную пополам сферу, но само видение мира как мозаичной системы не устраняет проблему резкого разрыва в социально-экономическом развитии «Севера» и «Юга».

Эта неравномерность отражается в катастрофических диспропорциях материального обеспечения, здравоохранения, образования, бытовых условий, питания, распространения опасных заболеваний, детской смертности, продолжительности жизни. Кроме того, в размерах государственного долга, уровня политической нестабильности, личной безопасности граждан, доступа к современным технологиям и еще внушительного списка показателей. Во второй половине XX в. по темпам прироста ВВП развивающиеся страны вдвое опережали промышленно развитые и примерно в середине 1990-х гг. их доля составила около 31,4% ВВП всех государств рыночной экономики. В результате роста производства увеличились также среднедушевые показатели, что свидетельствует о повышении общего уровня развития периферии мирового хозяйства. Особо выделяется резкое ускорение промышленного роста в ряде регионов, появление новых индустриальных стран (НИС). Заметно увеличивается доля периферии мирового хозяйства и в международной торговле. Но наиболее внушительным свидетельством разрыва между Севером

и Югом служат данные о количестве населения, проживающего в условиях абсолютной нищеты в различных странах Азии, Африки и Латинской Америки. По определению Всемирного банка (ВБ), универсальный критерий в данном случае - душевой доход в размере одного доллара США в день, на который вынуждены существовать примерно 1,2 млрд. жителей Земли. На рубеже веков около 90% из них (т.е. 1 млрд. 90 млн. человек) проживали в Африке и Азии, 6,5% - в Латинской Америке и на Карибах. Если к численности «абсолютно нищих» добавить «очень бедных» с ежедневным доходом от 1 до 3 долл., то к обездоленному населению относится уже половина жителей планеты. Нищета и близкие к ней формы крайней бедности — комплексное явление, для которого характерны низкие уровни дохода и потребления, голод и недоедание, плохое состояние здоровья, необразованность и неквалифицированный труд, недоступность источников чистой воды, отсутствие других санитарных условий и уязвимость перед социально-экономическими потрясениями. Эти характеристики тесно взаимосвязаны и в целом создают систему существенных рисков на пути развития всего человечества, в том числе в силу реального отчуждения миллионов людей от процессов демократического участия в политике своих государств.

И параметры разрыва между Севером и Югом, и стратегия их преодоления становятся в последнее время все более важным предметом дискуссий на национальном и международном уровнях. С одной стороны, к концу XX в. заметно укрепились экономические позиции развивающихся стран, что снизило вероятность глобальной поляризации «бедности» и «богатства». С другой, темпы преодоления разрыва экономических показателей развитых и развивающихся стран серьезно отстают от потребностей населения Юга, а позитивные перемены в его регионах очень неравномерны. Вопреки распространенным представлениям, в последние десятилетия во всем мире и в большинстве развивающихся стран (по данным, полученным с помощью разных показателей) произошло сокращение масштабов нищеты, причем в некоторых странах весьма значительное. Вместе с тем в других - нищета приобрела более острые формы и привела к увеличению разрыва между богатыми и бедными странами на конкретном локальном уровне. За период с 1990 по 1998 гг. доля населения, живущего в условиях нищеты в развивающихся странах (критерий дохода на душу населения - менее 1 долл. США в день), сократилась с 29 до 23%. Большинство нищих сосредоточены в Азии; из них примерно 522 млн. человек приходится на Южную Азию и 267 млн. - на Восточную Азию, включая ее юго-восточную часть. Наивысшая плотность беднейших людей планеты - в странах Африки к югу от Сахары, где они составляют около 48%. Доля нищего населения в других регионах (по данным конца 1990-х гг.): 40% в Южной Азии, 15% в Восточной Азии и 12% в Латинской Америке и Карибском бассейне.

В Восточной Азии показатель нищеты с 28% в 1990 г. снизился до 15% к концу XX в., а число бедных людей сократилось с 418 млн. до 267 млн.

человек. До экономического кризиса 1997-1998 гг. существенное уменьшение масштабов нищеты было достигнуто в Китае, а также в Малайзии, Таиланде и Индонезии. Кризис вновь вызвал сильный всплеск нищеты, особенно в Индонезии и Таиланде. В Индонезии доля населения, живущего в условиях нищеты, за период с 1996 по 1998 гг. увеличилась почти в два раза, однако сейчас она, по оценкам, вновь упала до уровня, на котором находилась накануне кризиса.

В Южной Азии показатель нищеты снизился с 44% в 1990 г. до 40% в 1998, а численность беднейшего населения увеличилась с 474 млн. до 522 млн. человек. Несмотря на то, что прирост ВВП в 1990-е гг. составлял почти 4% в год, темпы сокращения масштабов нищеты были низкими.

В странах Африки к югу от Сахары в период 1990-1998 гг. показатель нищеты почти не изменился, примерно 48%, а численность нищего населения увеличилась с 217 млн. до 291 млн. человек. В 1990-е гг. уровень доходов на душу населения несколько снизился из-за невысоких цен на сырьевые товары, гражданских войн и эпидемии СПИД, которые обострили нищету во многих странах региона. Вместе с тем, в отдельных из них были достигнуты некоторые успехи в деле сокращения ее масштабов (Уганда, Гана, Кот-д'Ивуар и Мавритания).

В Латинской Америке нищета уменьшилась с 17% в 1990 г. до 12% в конце XX в., а число таких людей — с 74 млн. до 61 млн. человек. Важно, что в результате усилий правительств крупных латиноамериканских стран - Бразилии и Мексики - показатели нищеты населения начали заметно снижаться. Благополучным выглядит положение в Чили (по данным ЭКОСОС 2001 г.).

К началу третьего тысячелетия часть развивающихся стран получила мощный импульс для продолжения динамичной эволюции и преодоления отсталости. Но достигнутые изменения, во-первых, имели все еще ограниченный характер, во-вторых, сопровождались опасными социальными издержками даже в относительно «продвинутых» сегментах макрорегиона, в-третьих, были явно недостаточны для гармоничного включения периферии мирового хозяйства в процессы экономической глобализации.

Стало очевидно, что для движения к благосостоянию развивающимся странам недостаточно добиться заметного экономического роста. Не менее важны для них смягчение политических последствий усиливающегося неравенства в распределении доходов и способность существенно улучшить условия жизни массовых слоев населения. Согласно данным ВБ 2000-х гг., внутри большинства стран «Юга» растет неравенство в распределении доходов. В странах, где оно имеет тенденцию к ухудшению, проживает 57% населения планеты, в тех же, где оно улучшилось в 1980—1990-е гг., - 16%, в прочих же существенных изменений нет.

Неоднозначность итогов реализации стратегии *догоняющего развития* как основы преодоления разрыва между Севером и Югом особенно наглядно проявилась под влиянием финансового кризиса конца 1990-х гг. в ряде

государств Восточной Азии, затронувшего широкий круг стран и в других частях света. Противоречивость ситуации, касающейся этого разрыва, остро ощущается в настоящее время при снижении темпов экономического роста развитых и развивающихся стран. Сближение абсолютных величин этих показателей (примерно 1,5—2% в 2010 и 2011 гг.) порождает опасения, что такой разрыв не преодолевается, а консервируется. Эти опасения приобрели особую остроту на фоне активности международного терроризма, взявшего на вооружение, кроме прочего, лозунги социальной справедливости.

Таким образом, в начале XXI в. проблема разрыва между Севером и Югом получает разнообразные дополнительные основания, объективно осложняющие решение стратегических задач. В отличие от предыдущего периода, центр тяжести всего комплекса вопросов развития явно смещается в сферу политики по преодолению нищеты и социального неравенства внутри *отдельных государств*. Укрепление экономического положения большого числа стран, относящихся к «Югу», и дифференциация этого макрорегиона заставляют опасаться уже не глобальной поляризации бедности и богатства, а критических величин имущественного неравенства среди населения развивающихся стран.

Изменение подходов к бедности и богатству. В начале XXI века многие страны Латинской Америки, Восточной Азии и некоторые из Африки демонстрируют достаточную устойчивость хозяйственных систем, причем ни одна из них не отказалась от стратегии структурных преобразований и принципов демократического правления, утверждавшихся здесь в конце XX в.

Однако анализ событий подтверждают не только позитивные результаты преобразований, но и серьезные просчеты. И главные из них - завышенные надежды на быстрое разрешение всех проблем Юга, сокращение его отставания от Севера и снижение многочисленных рисков, связанных с условиями социально-экономического развития макрорегиона, — предполагают новый план действий национальных и международных институтов, призванных существенно уменьшить масштабы распространения нищеты и бедности в развивающихся странах. Практическое решение этой задачи осложняется нехваткой необходимых ресурсов, значительным разнообразием конкретных условий, возрастающим в большинстве случаев отставанием в освоении информационных технологий, низким уровнем социальной ответственности многих местных элит.

Необходимость изменения подходов к сокращению разрыва между Севером и Югом остро встала в последние годы в связи с осознанием значимости новых глобальных угроз развитию человечества, таких как состояние природной среды, нищета, СПИД, наркотики, терроризм и др., достигших особого размаха в условиях развивающихся стран. Существенным фактором явилась и растущая критика предшествовавшего опыта по улучшению положения населения в регионах мирового Юга.

К началу третьего тысячелетия как наиболее бедные, так и относительно благополучные развивающиеся страны стали активно выступать за радикальный пересмотр сложившихся правил торгово-экономического и финансового взаимодействия между Севером и Югом, требовать большей доли преимуществ, которые несут процессы информатизации и *экономической глобализации* ведущим индустриальным державам. С этих позиций выступали отдельные политические лидеры и группировки развивающихся стран, сложившиеся ранее на основе общности конкретных экономических интересов. Этот критический настрой поддержали такое объединение, как «Группа 24» традиционно выступавшие с позиций расширения размеров гуманитарной помощи и торговых преференций развивающимся странами, и «Группа 15», в состав которой входят довольно благополучные страны Юга. *Объединение развивающихся стран «Группа 24» образована в 1972 г. для представления интересов развивающихся стран на переговорах по международным валютным проблемам. МВФ оказывает административные услуги группе чьи встречи, как правило, организуются в связи с проведением заседаний Временного комитета и Комитета развития при МВФ с тем, чтобы дать представителям развивающихся стран возможность толковать вопросы повестки дня до их вынесения на полномасштабное обсуждение в структурах МВФ. «Группа 24» включает Гватемалу, Индию, Шри-Ланка, Сирию, Тринидад и Тобаго, Венесуэлу, Заир (сейчас - Демократическая республика Конго) и др., членом Группы была Югославия (сейчас - Сербия и Черногория), КНР присутствует в качестве приглашенного участника). Объединение «Группа 15» была создана в 1989 г. в качестве составной части Движения неприсоединения для укрепления и совершенствования экономических связей развивающихся стран с развитыми. В состав «Г-15» ныне входят 17 государств: Алжир, Аргентина, Бразилия, Венесуэла, Египет, Зимбабве, Индия, Индонезия, недавно принятые в ее состав Кения, Малайзия, Мексика, Нигерия, Перу, Сенегал, Чили, Ямайка, Шри-Ланка. На конференциях «Группы 15» в Египте в 2000 г. и в Иране в 2001 г. были отмечены попытки радикальной политизации требований развивающихся стран в целях изменения мирового экономического порядка.*

Озабоченность масштабами различий между Севером и Югом, в том что касается ситуации наименее развитых стран, проявили на рубеже веков ведущие индустриальные государства и международные финансовые институты. С 1999 г. ими была начата программа списания внешнего долга беднейшим странам, которая сейчас охватывает 26 из 42 относящихся к этой категории государств. Кроме того, для сокращения социальных издержек структурных реформ в развивающихся государствах Всемирный Банк и региональные банки развития, а также индустриальные страны-доноры взяли на себя ряд дополнительных финансовых обязательств. Одновременно было усилено внимание к универсальным специализированным программам по развитию, увязывавшим борьбу с бедностью с такими вопросами, как образование,

здравоохранение, экология, местное самоуправление. В данной связи на Конференции по финансированию развития в Монтеррее (Мексика) в марте 2002 г. члены Евросоюза обязались повысить к 2006 г. свою «квоту ODA» (*Official Development Assistance* - доля средств в ВВП промышленно развитых стран, выделяемых на оказание помощи развивающимся) с нынешних 0,33% до 0,39% ВВП. США заявили о дополнительном ежегодном увеличении своей помощи развивающимся странам на 5 млрд. долл. В конце XX в. такие страны, как Швеция, Нидерланды и Дания являлись лидерами по размеру пожертвований в расчете на душу населения своих стран (190, 203 и 331 долл. соответственно). Аналогичный показатель для США - 33 долл.

Важную координирующую роль играют ООН и ее структуры в национальных и международных усилиях по преодолению разрыва между Севером и Югом. Так, на саммите тысячелетия была принята резолюция, провозгласившая главной целью мирового сообщества в сфере поддержки развивающихся стран сокращение к 2015 г. вдвое размеров абсолютной нищеты на земном шаре. В 2001—2002 гг. по инициативе и активном участии ООН состоялся ряд международных конференций, посвященных стратегии помощи самым бедным странам Африки и Азии, программам поддержки здравоохранения, образования, распространения информационных технологий, защиты окружающей среды в регионах Юга. Их решения предполагают расширение практики списания части долгов, увеличение объемов гуманитарной помощи и стимулирование торговли в развивающихся регионах, а также возможность разработки новых механизмов влияния на кризисные ситуации подобно той, которая возникла в конце 2001 г. в Аргентине. Кроме того, было решено создать несколько специализированных международных фондов, в том числе международный фонд по борьбе со СПИДом, туберкулезом и малярией (10 млрд. долл.).

Помимо мобилизации дополнительных источников финансирования для сферы развития, важным позитивным моментом конференций, инициированных ООН, стала информационная работа по разъяснению сути ключевых проблем, которые должны совместно решать жители Севера и Юга. Особенно перспективные в этом плане решения были приняты на двух форумах в 2002 г. - конференции по финансированию развития в Монтеррее и саммите по устойчивому развитию в Йоханнесбурге (ЮАР). В первом случае рассматривались проблемы внутренних и международных ресурсов, которые могут быть использованы для целей развития, а во втором — связь между задачами экономического роста в регионах Юга и повсеместной защиты окружающей среды. Документы этих форумов стали концептуальной основой дальнейшей работы правительственных и неправительственных организаций в целях преодоления наиболее опасных проявлений диспропорций мирового развития. Помимо этого по итогам саммита в Йоханнесбурге представители международных финансовых институтов и ведущих индустриальных стран создали ряд целевых фондов. Например, страны ЕС заявляли о намерении

инвестировать в 2003 г. до 43 млн. долл. в энергетические проекты, США в тот же период - 2,3 млрд. долл. на здравоохранение и еще 90 млн. долл. на сельскохозяйственные проекты. Другие вклады выглядят скромнее, но и их размеры также исчисляются несколькими миллионами долларов.

Инициативы под эгидой ООН обозначили в качестве основного направления усилий мирового сообщества по уменьшению разрыва между Севером и Югом адресные инвестиции в социально значимые проекты, руководство которыми де-факто осуществляется не только на национальном, но и на международном уровнях. Однако ресурсы, которыми располагает ООН, не столь уж велики. Финансовый вклад в сотрудничество с развивающимися странами по линии различных программ ООН оценивается примерно на уровне 4,4 млрд. долл. в год, т.е. около 10% из общего объема ODA стран Севера в конце XX в.

Ныне ООН и ее структуры, занимающиеся проблематикой развивающихся стран, раскритикованы как не вполне эффективные, но есть вероятность, что в недалеком будущем их работа будет реорганизована. Планы такого рода предполагают усиление координации действий всех механизмов ООН по поддержке развития Юга (причем не только на уровне центрального аппарата, но и на местах), концентрацию ресурсов на самых перспективных направлениях, усиление контроля за выполнением поставленных задач и формулирование дополнительных критериев оценки программ. Однако основная роль ООН в поддержке малоимущих стран связана, по-видимому, не с совершенствованием деятельности международной бюрократии, а с концептуальной проработкой наиболее болезненных вопросов координации национальных и внешних усилий по борьбе с массовой нищетой. Благодаря усилиям ООН, под эгидой которой с начала 1990-х гг. идет поиск путей преодоления «критической бедности и социальной исключенности», к настоящему времени фактически произошла смена главной парадигмы *модернизационных процессов* в зоне развивающихся стран. Ориентация на цели догоняющего развития уступила место приоритетам политики *устойчивого развития*, под которыми понимается поэтапное преодоление наиболее вопиющих проявлений нищеты, удовлетворение основных человеческих потребностей на принципах самообеспечения и социальной справедливости, экологическая сбалансированность в зоне мирового Юга.

Сложные проблемы развития, стоящие перед Югом, вряд ли будут решены в ближайшем будущем. Достичь фундаментальных целей если не преодоления, то сокращения разрыва между индустриальными и развивающимися странами, видимо, можно на путях одновременного продвижения по нескольким направлениям, действуя с учетом условий различных государств и меняющихся отношений между субъектами мировой политики.

Важную роль в поддержке развития призвано сыграть имеющее многолетнюю историю экономическое сотрудничество между самими странами

Юга. Пример попыток решения вышерассмотренных проблем посредством привлечения финансовых ресурсов стран-экспортеров нефти - деятельность Фонда международного развития, созданного в 1976 г. членами ОПЕК. Первоначально его работа рекламировалась как способствующая экономической независимости государств Юга от западных держав, но такой популистский лозунг не имел серьезных оснований. За годы своего существования Фонд ОПЕК предоставил различным развивающимся странам финансовую помощь и льготные займы на общую сумму около 5 млрд. долл. Его услугами воспользовались несколько десятков государств, причем предпочтение отдавалось странам с наименьшим доходом на душу населения, в частности, государствам Африки южнее Сахары. Среди крупных получателей помощи и кредитов Фонда ОПЕК фигурируют Боливия, Гондурас, Гвинея, Лесото, Сенегал, Танзания, Мали, Руанда, Филиппины. Безвозмездные ссуды были предоставлены университету в Хартуме, Управлению Верховного комиссара ООН по делам беженцев, ряду учебных центров Восточной Африки. В начале нынешнего десятилетия Фонд ОПЕК заявил о резервировании на нужды развития более 5,7 млрд. долл. В 2001-2002 гг. структурами Фонда было подписано примерно два десятка контрактов со странами Азии, Африки и Латинской Америки, по которым им будут предоставлены долгосрочные кредиты на общую сумму около 79 млн. долл. под 1-1,75% годовых. Эти средства направляются на реализацию проектов в образовании, экологии, медицине и транспорте.

Расширение поддержки развивающихся стран на основе деятельности Фонда ОПЕК сопряжено со значительными трудностями в силу как политических разногласий между членами организации-патрона, так и чисто практических обстоятельств. Половина членов ОПЕК имеет большие дефициты платежного баланса, а такие страны, как Алжир, Нигерия, Иран отказываются выделять крупные суммы, ссылаясь на потребности финансирования собственных социальных программ.

Страны ОПЕК связывают с развивающимся миром общие проблемы и долгосрочные интересы. Это сотрудничество будет продолжаться, но завышенные ожидания остались в прошлом. На первый план с середины 1990-х гг. выдвигаются более прагматичные формы международного взаимодействия по линии Юг - Юг. «Локомотивом» таких отношений в обозримом будущем будут выступать не экспортеры нефти, а сложившиеся и формирующиеся группы региональных партнеров - АСЕАН (Азия), МЕРКОСУР (Латинская Америка), План НЕПАД (Африка). Со временем появятся и новые формы их многостороннего сотрудничества, например, на основе стратегической координации зональных интеграционных процессов, как это предусматривается в деятельности форума «Латинская Америка - Восточная Азия», или за счет укрепления многостороннего политического, торгово-экономического и научно-технического сотрудничества нескольких региональных стран-лидеров, как в случае создания летом 2003 г.

трехстороннего форума «Индия - Бразилия - ЮАР». Форум «Латинская Америка - Восточная Азия» созван в 2001 г. Его участники: с одной стороны, Аргентина, Боливия, Бразилия, Колумбия, Коста-Рика, Куба, Чили, Эквадор, Сальвадор, Мексика, Панама, Парагвай, Перу, Уругвай, Венесуэла; с другой, - Австралия, Бруней, Камбоджа, Республика Корея, КНР, Филиппины, Индонезия, Япония, Лаос, Малайзия, Новая Зеландия, Сингапур, Таиланд и Вьетнам. Предполагается, что они расширят диалог и рабочие связи в культурных, социальных, экономических и международных вопросах, представляющих общий интерес.

К началу XXI в. наращивание многосторонних усилий по сокращению разрыва между Севером и Югом происходит и благодаря деятельности такой авторитетной международной организации, как конференция ООН по торговле и развитию (ЮНКТАД). Созданная в 1960-е гг., она традиционно занимала радикальные позиции в отношении размеров помощи развитых стран бывшим колониальным и зависимым народам. Но сегодня в ее рамках важными стали вопросы повышения эффективности системы помощи мировому Югу, понимаемой в категориях «не донорства», а партнерства. Со второй половины 1990-х гг. ЮНКТАД выступает главным образом в роли форума для обмена мнениями по кардинальным вопросам экономического взаимодействия развитых и развивающихся стран. Так, беднейшие члены мирового сообщества неизменно получают поддержку ЮНКТАД при рассмотрении вопросов их внешнего долга, а «Группа 77» на переговорах по снижению таможенных тарифов на импорт сельскохозяйственной продукции, действующих в Западной Европе и Северной Америке. С опорой на механизмы ЮНКТАД члены «Группы 77» добиваются отмены в зоне Севера правительственных субсидий фермерским хозяйствам с тем, чтобы повысить конкурентоспособность развивающихся стран-экспортеров сельскохозяйственной продукции. Механизмы ЮНКТАД используются «Группой 77» не только как «наступательное», но и как «оборонительное» средство формирования переговорной среды по линии Север - Юг. В частности, ее члены блокируют предложения ЕС по созданию многосторонней инвестиционной инфраструктуры, позволяющей иностранным инвесторам пользоваться равными с местными компаниями правами. К сожалению, и другие, в том числе довольно умеренные, инициативы развитых стран нередко воспринимаются членами «Группы 77» как попытки узаконить новую колониальную экспансию.

На современном этапе ЮНКТАД укрепляет свой статус фактора содействия интеграции развивающихся стран в мировую экономику. Важные шаги в этом направлении были сделаны, в частности, на Бангкокской конференции (2000), решения которой во многом формулировались с учетом критики глобализации представителями развивающихся стран. В них нашли отражение такие аспекты, как призывы к усилению гуманитарной помощи беднейшим странам и установлению новых правил мировой торговли (прежде всего сельскохозяйственной продукцией), ставшие основой активных

консультаций ЮНКТАД с МВФ и ВБ. В развитие решений Бангкокской конференции ЮНКТАД особое внимание ее программы, стыкующие действия Севера и Юга, уделяют инициативе BIOTRADE, предполагающей стимулирование инвестиций в естественные биологические ресурсы для поддержания устойчивого развития беднейших стран мира.

Опыт деятельности ЮНКТАД свидетельствует: несмотря на качественные различия в уровне жизни населения индустриально развитых и отстающих в приобщении к техногенной цивилизации государств, усиление глобальной взаимозависимости Севера и Юга опирается сегодня на принципы диалога, охватывающего широкий круг проблем двустороннего и многостороннего сотрудничества.

Материальные условия сокращения разрыва между Севером и Югом традиционно определяются прежде всего состоянием мировой торговли. В данной связи значительный шаг по сближению интересов развитых и развивающихся стран был сделан на четвертой конференции ВТО, состоявшейся в ноябре 2001 г. в городе Доха (Катар). Эта конференция открыла трехлетний раунд переговоров, посвященных вопросам устранения таможенных барьеров и созданию производственных мощностей в регионах Юга, что в перспективе может значительно улучшить положение развивающихся стран на мировых рынках. Однако позитивное воздействие торговых переговоров Дохского раунда на экономический рост Юга, зависит от ряда обстоятельств. Наиболее сложные моменты согласований - стремление развивающихся стран к широкой либерализации торговли в области сельского хозяйства и текстиля и продлению льготного периода соглашений по торговле услугами, коммерческие аспекты прав на интеллектуальную собственность; преференции при получении финансово-технической помощи; расширение участия во всех переговорах ВТО (*исследования ВБ показали, что свободный доступ на рынки сельскохозяйственной продукции промышленно развитых государств и ликвидация в них экспортных субсидий привели бы к повышению доходов развивающихся стран на 11,6 млрд. долл. в год. Если бы они получили, кроме того, неограниченный доступ на рынки текстильных изделий указанных держав, то их доход повысился бы еще на 9 млрд. долл. в год*). Однако для осуществления этих пожеланий необходимо создание значительного числа институциональных механизмов, что на деле отдалает на неопределенное время удовлетворения всего «списка претензий» развивающихся стран к индустриальным лидерам мирового рынка. Тогда эксперты полагали, что наблюдаемое затягивание торговых переговоров по линии Север - Юг будет отчасти преодолено осенью 2003 г. во время встречи на высшем уровне стран-участниц ВТО в Канкуне (Мексика), но этого не произошло: форум посчитали сорванным. Наибольший интерес среди обсуждений вызвал вопрос о путях противодействия ценовой политике международных картелей (особенно в фармацевтической промышленности и морском судоходстве), чья деятельность в 1990-е гг. принесла развивающимся странам убытки примерно в 5-7 млрд.

долл. Важнейшим фактом является почти полное совпадение позиции развитых и развивающихся стран в принципиальных моментах критики злоупотреблений международных картелей.

В целом в новых условиях взаимодействия развитых и развивающихся стран, направленного на сокращение разрыва между Севером и Югом, традиционные торгово-экономические претензии, постепенно теряют если не актуальность, то конфликтную остроту. Вместе с тем появляются новые области противоречий. Развитые страны полагают обязательным учет социальных критериев (требуют, в частности, запрета детского труда, соблюдения прав профсоюзов, наличия системы социального страхования и установленного минимума заработной платы и др.) при решении вопроса о включении развивающихся стран в систему глобальных торговых привилегий. Симптоматично, что далеко не все страны Юга, особенно азиатские, готовы принять принципы цивилизованных отношений между трудом и капиталом, ввести запрет на использование труда заключенных, внедрять социальное страхование. Однако согласно недавним специальным исследованиям, отказ от международных стандартов в социальной сфере ужесточает условия конкуренции не по линии Север - Юг, а прежде всего между самими странами Юга. Имея сходный производственный профиль, они стремятся удерживать цену рабочей силы на предельно низком уровне, что тормозит модернизационные процессы и выступает одним из новых источников противоречий в развивающейся зоне.

Формирование новых правил мировой торговли, ориентированных на укрепление экономического потенциала Юга, существенный, но далеко не достаточный фактор преодоления его отставания от Севера. Для аккумуляции ресурсов развивающимся странам необходимы и стабильность экспортных доходов, и политическая и макроэкономическая устойчивость. Без них невозможно обеспечить приток прямых инвестиций, ставших повсеместно важнейшим источником финансирования экономического роста.

Сегодня глобальные инвестиционные процессы, оценивавшиеся на рубеже нашего столетия в суммы более триллиона долларов США, обеспечиваются главным образом за счет взаимообмена капиталами между развитыми странами. Доля развивающихся государств в мировом объеме вновь привлеченных инвестиций, достигавшая 37,2% в 1997 г., снизилась сейчас примерно до 24%. При этом большая часть инвестиций на рубеже веков производилась не в структуры отдельных развивающихся стран, а в проекты, осуществлявшиеся в рамках их интеграционных объединений. В данной связи наиболее притягательным для инвесторов регионом Юга стала Латинская Америка, особенно Бразилия, Мексика, Аргентина. Иностраный капитал привлекает в латиноамериканских странах либеральный подход к регулированию зарубежных инвестиций, возможность участия в приватизации госсектора, особенно в сфере услуг и добывающих отраслях, а также перспективы выхода на рынки интеграционных объединений НАФТА (США,

Канада, Мексика), МЕРКОСУР (Бразилия, Аргентина, Парагвай и Уругвай), формируемой Общеамериканской зоны свободной торговли (АЛКА). Снижению уровня политических рисков, с точки зрения частных инвесторов, способствует подписание в 2001 г. странами — участницами Организации американских государств (ОАГ) Лимской декларации, провозгласившей принципы коллективной защиты основ конституционного строя государств региона. Вместе с тем в ближайшее время перспективы привлечения частного капитала во все без исключения развивающиеся регионы крайне ограничены. Потенциальные инвесторы все менее расположены вкладывать средства в долгосрочные проекты. В сложившихся условиях многие важные, исходя из интересов Юга, объекты, например, в области энергетики, дорожного строительства и систем водоснабжения, в ближайшие годы не будут обеспечены необходимым финансированием, что поставит под удар многие модернизационные начинания, особенно в сельской местности. Сокращение инвестиций в развивающихся регионах отчасти связано с общими негативными тенденциями в мировой экономике последних трех лет, но также обусловлены и другими факторами. Согласно многочисленным оценкам, для того чтобы стимулировать инвестиции национального частного банковского сектора и привлечь прямые зарубежные капиталовложения в экономику развивающихся стран, необходимо создать определенные условия, в том числе наладить эффективное управление, обеспечить стабильность политического режима и доверие к нему. В комплекс условий такого рода, представления о котором существуют пока в первом приближении, включаются вопросы политики и экономики. Предполагается, что повышение эффективности управления на национальном уровне в странах мирового Юга создаст более основательные предпосылки для расширения инвестиций, чем распространенная сегодня практика привлечения капиталов путем предоставления различных льгот. Привлекательный внешне путь преференций или освобождения от налогов часто приводит к конкуренции среди потенциальных получателей инвестиций, наносящей вред их национальному хозяйству, и, что еще хуже, поощряет авантюрный капитал.

Конечно, критерии эффективного управления - не панацея, но постановка вопроса о них весьма важна: наиболее перспективная стратегия сокращения разрыва между Севером и Югом опирается на *консолидацию национальных ресурсов самих развивающихся стран*, причем совсем далекую от популистских лозунгов «опоры на собственные силы» 1960-1980-х гг.

Международная помощь развитию. Реформы, необходимые для повышения производственного и торгового потенциала стран Юга, предполагают, наряду с мобилизацией их внутренних ресурсов, совершенствование системы внешней помощи, предоставляемой макрорегиону индустриальным Севером. Относительно масштабные инициативы, предпринимавшиеся в этом направлении, зашли в тупик после нефтяного кризиса 1973 г., а дальнейшие меры неизменно подвергались разнообразной

критике. Уже десятилетиями ведется оживленная дискуссия вокруг таких вопросов, как виды и масштабы помощи, механизмы ее распределения, преодоление неэффективности местных органов власти, условия, которые вправе выдвигать развитый мир перед бедными странами-получателями международной финансовой поддержки. Все эти проблемы постоянно выносятся на повестку дня как на уровне отдельных государств, так и в международных структурах. В целом в 1990-е гг. официальная помощь развивающимся странам со стороны индустриальных стран заметно сокращалась. Если к началу прошлого десятилетия она ежегодно составляла 45-60 млрд. долл., то в 2000-2001 гг. ее показатели упали примерно на 20% (по данным ВБ 2002 г.). Эта помощь предоставляется в основном не на двусторонней основе, а по линии международных финансовых институтов, таких как Международный валютный фонд, Всемирный банк, Международный банк реконструкции и развития (МБРР). В 1980-1990-е гг. ВБ и МВФ активно включились в разработку и финансирование структурных преобразований, которые проводились в жизнь правительствами многих развивающихся стран. Несмотря на то, что эти начинания в значительном числе случаев явились фактором стабилизации кризисных ситуаций, в среднесрочной перспективе они во многом привели к противоположному эффекту. Строго говоря, негативный эффект как таковой был прогнозируем, но логика построения модернизационных программ, исключавшая учет человеческого фактора, и конкретные технические просчеты оказались неприемлемыми. Ошибки, допущенные международными финансовыми институтами, привели к смене их руководства (ВБ в 1997 г., а МВФ несколько позднее - в 2000 г.) и началу пересмотра системы основных рабочих установок.

Наиболее радикальной коррекции подверглись базовые принципы деятельности ВБ. Его руководство признало, что макроэкономический подход недостаточен для обеспечения прогресса развивающихся стран и что существует настоятельная необходимость параллельного развития производственной и социальной сфер. В начале нынешнего десятилетия руководство ВБ, апеллируя к общим интересам Севера и Юга, неоднократно призывало довести сумму финансовой помощи развивающимся странам до 100 млрд. долл. в год и открыть рынки индустриальных стран для сырьевых товаров третьего мира. Такая позиция и порядок искомой суммы заслуживают внимания, поскольку аналитические службы ВБ — одни из самых авторитетных структур, занимающихся комплексным изучением мирового Юга.

Итогом первого этапа коррекции стратегии МВФ и МБРР стали решения их Пражской сессии (2000). В результате чего была достигнута договоренность о списании долгов в размере 5 млрд. долл. с 20 беднейших государств-клиентов и установление дифференцированной шкалы кредитования развивающихся стран в зависимости от их экономического положения. Эти меры дополнили введенную ВБ чуть ранее практику заключения со странами-клиентами

соглашений для улучшения качества оказываемой помощи и недопущения кризисных ситуаций, подобных событиям в Мексике (1994-1995) и Азии (1997-1998). В этот документ входят такие условия, как поддержка этих стран в борьбе с коррупцией, освоение современных коммуникационных технологий, укрепление банковских систем, планов сельскохозяйственного развития, а также меры по обеспечению соответствия иницилируемых программ социальным и культурным потребностям их получателей.

На основе указанных инициатив международные финансовые институты утверждают новые подходы к разработке стратегии помощи развивающимся странам, в том числе за счет ее обсуждения всеми заинтересованными сторонами. Значительным новшеством с недавних пор являются и довольно активные контакты ВБ с различными неправительственными организациями. Показательно, что в последние годы деятельность ВБ и МВФ стала предметом пристального анализа примерно 1200 неправительственных организаций из 65 стран, изучающих последствия структурной политики в развивающихся регионах. Подобная беспрецедентная коалиция позволяет надеяться, что в определении перспектив сокращения разрыва между Севером и Югом появился новый конструктивный участник, способный корректировать технократические и узкокорпоративные решения.

Практическая деятельность ВБ, МВФ и МБРР часто подвергается критике. Их обвиняют в неуважении прав суверенных государств, ибо предоставление займов и помощи жестко оговорено согласием на реализацию специальных программ. Но такие обвинения упрощают суть проблемы.

Принятие предлагаемых программ оставляет достаточную свободу экономического маневра. Иногда развивающиеся страны вообще отказывались от них. Во второй половине 1970-х гг. так поступила Республика Корея, а в начале 1980-х - Индия. В дальнейшем обе страны приняли значительную часть отвергнутых рекомендаций, но в адаптированном к местным условиям виде. Вместе с тем очевидно, что большинство пораженных кризисом государств Юга не смогут выйти из него без внешней поддержки. Помимо нехватки материальных ресурсов, преодолению кризисных тенденций часто препятствует расстановка местных социально-политических сил, из-за которой правящие круги не готовы к проведению жизненно необходимых реформ.

Несмотря на важную роль МВФ и ВБ в оказании внешней помощи мировому Югу, международные финансовые институты не являются абсолютными монополистами в этой области. Политика многих западных стран (например, Франции) в отношении третьего мира отмечена традиционной спецификой. Особые акценты на диверсификацию и адресность помощи развитию характерны для США. Нужно отметить и альтернативные официальным представления о помощи развивающимся странам, в частности, предложения неформального объединения политиков социал-демократического толка («Стокгольмская инициатива»). Еще в 1991 г. участники этого объединения призвали существенно увеличить финансовую помощь Югу,

установив ее в размере 1% ВВП государств Севера. Нетривиальна и более чем спорна по своим последствиям недавняя инициатива Нобелевского лауреата в области экономики, американского ученого Дж. Тобина обложить налогом в 0,1% все совершающиеся в мире краткосрочные финансовые сделки, что позволило бы собрать примерно 160 млрд. дол. Всего лишь половины этой суммы, по мнению Дж. Тобина, было бы достаточно для решения неотложных социальных проблем как Юга, так и Севера.

Вариативность «северных» подходов к проблемам Юга более ощутима на стадии обсуждения концептуальных аспектов, чем в сфере политической практики. Представляется, что в идущих ныне дебатах об изменении международной финансовой архитектуры будут предложены довольно эффективные пути коррекции деятельности ВБ, МВФ и МБРР. Среди различных пожеланий, высказываемых в данной связи, выделяются такие, как повышение способности международных финансовых организаций оперативно реагировать на ухудшение экономической ситуации в тех или иных странах, а также обеспечение прозрачности денежных и иных потоков.

Итак, перспективы мобилизации внешних ресурсов в интересах развития мирового Юга в начале XXI в. представляются более *благоприятными*, чем в недавнем прошлом. Они приобретают большую качественную завершенность и характеризуются укреплением механизмов взаимодействия между донорскими структурами различного уровня и странами-получателями финансовой помощи. Немаловажен и фактор ожидаемого увеличения объемов многостороннего финансирования специализированных программ.

Расширению предпосылок устойчивого развития значительного числа государств Юга способствует позиция восьми ведущих индустриальных стран мира, вклад в разработку которой внесла и Россия. Так, на конференции в Женеве летом 2001 г. лидеры «большой восьмерки» выразили единодушную решимость активно действовать в борьбе с бедностью, в первую очередь в Африке, продолжить процесс ослабления долгового бремени беднейших стран мира. Они поддержали также специальный план действий по ликвидации информационного разрыва между богатыми и бедными регионами.

Линия на конструктивное рассмотрение членами «большой восьмерки» мер по сокращению разрыва между Севером и Югом была продолжена и на летнем саммите в канадском Кананаскисе в 2002 г. Вопросы экономического роста и устойчивого развития рассматривались параллельно с такими проблемами, как усиление противодействия терроризму, защита окружающей среды, урегулирование ближневосточного конфликта, снижение напряженности в отношениях между Индией и Пакистаном, а также на Корейском полуострове. Другими словами, перспективы улучшения условий жизни в регионах мирового Юга неизменно определяются не только экономическими, но и политическими обстоятельствами, предполагающими снижение напряженности в хронически нестабильных зонах планеты.

Комплексный подход к вызовам развития на Юге был подтвержден и на Эвианском саммите «большой восьмерки» в 2003 г. Они рассматривались во взаимосвязи с такими ключевыми аспектами его повестки дня, как возрождение мировой экономики, борьба с терроризмом и нераспространение оружия массового уничтожения. Вместе с тем в рамках встречи в Эвиане был дан новый импульс гармонизации экономического сотрудничества ведущих индустриальных стран мира с развивающимися, усилилось осознание того, что пропасть между Севером и Югом не только препятствует экономической глобализации, но и ухудшает условия хозяйственного роста крупнейших индустриальных держав.

Дискуссия участников Эвианского саммита во многом опиралась на предварительные результаты проекта НЕПАД. В отличие от прежних инициатив, этот план построен преимущественно не на расчетах увеличения международной помощи «бедным странам», а на идеях привлечения частных инвестиций в конкретные проекты, совершенствования законодательных рамок управления в экономической и политической областях.

Существенным вкладом в разработку конструктивных решений проблем экономического партнерства в интересах развития стали также материалы проведенной накануне Эвианского саммита (по инициативе Франции) рабочей встречи «большой восьмерки» и 11 развивающихся стран.

Практика неформального обмена мнениями по приоритетам развития между членами «большой восьмерки» и представителями Юга имеет важное качество. В условиях усиливающейся глобализации логика развития международных процессов позволяет все решительнее отходить от стереотипов «полярной» картины мира. Сейчас «большая восьмерка», которую по инерции довольно часто называют «элитарным клубом», расширила традиционные рамки и вопросы диалога Севера и Юга. Некоторые развивающиеся страны стали, наряду с «большой восьмеркой», фактическими участницами системы многоформатного сотрудничества, ориентированного на ликвидацию самых опасных проявлений социально-экономического неравенства.

В данной связи «большая восьмерка» продолжила в Эвиане обсуждение темы задолженностей наиболее бедных государств. На развитие диалога руководителей стран Севера и Юга направлены и основные решения этой встречи по экономическому блоку вопросов (приняты с участием России): план совместных действий в сфере мировой торговли и Декларация об ответственности рыночной экономики. В первом из этих документов особое внимание уделено принципам учета международных и внутренних экономических интересов государств в развитии внешнеэкономических связей. Во втором - члены «большой восьмерки» зафиксировали необходимость еще большей интеграции международной экономики, в том числе для пресечения «отмывания» незаконных капиталов, борьбы с терроризмом и криминальными финансовыми операциями. В Декларации отмечено, что углубление экономической кооперации в мире должно стать важным условием для

повышения эффективности глобальной экономики и ее прозрачности, а также подтверждена готовность бороться с коррупцией как серьезным препятствием для экономического и социального прогресса.

Сейчас проблема разрыва между Севером и Югом расширяет формат международного сотрудничества, ориентированного на достижение 2115 г. стратегических целей, выдвинутых мировым сообществом на саммите тысячелетия. Для достижения этого нужны не только материальные ресурсы, но и постоянный многосторонний диалог с участием правительственных, корпоративных и общественных структур. В его рамках нельзя недооценивать роль движения неприсоединения (ДН), одного из старейших объединений развивающихся стран. В конце 1990-х гг. оно во многом адаптировалось к новым мировым реалиям, отказавшись от характерного в прошлом радикализма. Помимо традиционных направлений деятельности в рамках ДН все большее место занимает выработка общих подходов развивающихся стран к оценке *глобализации*. Понимая, что она имеет объективные корни и способна открыть новые возможности для экономического развития многих государств, участники ДН ратуют за усиление социальной составляющей глобализации, за предотвращение маргинализации стран Африки и ряда азиатских стран. Страны участники ДН придают огромное значение предметному диалогу Север-Юг, основанному на общности интересов, совместной ответственности и взаимозависимости.

Страны участницы ДН выступают за налаживание механизмов консультаций с «большой восьмеркой», Евросоюзом и АТЭС. Современные измерения проблемы разрыва между Севером и Югом не могут быть оценены однозначно. Вызовы, существующие в связи с неравномерностью развития различных стран и регионов мира, не стали факторами всемирной катастрофы, но и не будут сняты с повестки дня многих государств мира в ближайшие 10 - 15 лет. Несмотря на разносторонние усилия, перспективы улучшения положения в развивающихся странах пока оцениваются очень осторожно. По расчетам ВБ, в 2003-2004 гг. последние опережают по темпам экономического роста государства с высоким уровнем доходов. Суммарный ВВП развивающихся стран в 2003 г. вырос на 3,9%, в 2004 г. - на 4,7% против 2,1% и 2,7%, соответственно в развитых странах. Учитывая демографические тенденции мирового Юга, усредненные показатели выглядят относительно скромными и, скорее всего, преодоление нищеты во многих его регионах будет идти более медленными темпами, чем это предусмотрено решениями саммита тысячелетия. Однако «качество» разрыва между Севером и Югом теперь таково, что позволяет надеяться на продолжение формирования социальных основ устойчивого развития всех регионов мира.

Преодоление разрыва между Севером и Югом - это довольно длительный процесс ликвидации вопиющих форм нищеты и отсталости, распространенных в развивающихся странах. Меры, направленные на эти цели, оставляют слишком много вопросов в том, что касается увеличения объемов помощи Югу,

контроля за деятельностью международной бюрократии, ограничения авантюрного капитала и ряда других. Важным, но пока не нашедшим отражения аспектом, является и такой, как поддержка не самых бедных, а относительно продвинувшихся в своем развитии государств, которые испытывают значительные трудности в адаптации к глобализации мировой экономики. Однако указанные и многие иные недостатки не должны рассматриваться как предлог для возрождения пессимизма в отношении общих перспектив развивающихся стран.

На рубеже XX-XXI вв. изменилась система взглядов на проблемы бедности и развития. Характерное в прошлом преобладание моральных мотивов в странах Севера и популистской риторики в зоне Юга отходит на второй план. Более или менее удовлетворительное решение чрезвычайно политизированной в прошлом проблемы разрыва между Севером и Югом видится не за счет конфронтации богатства и бедности, а на основе конструктивного сближения усилий развитых и развивающихся стран, осознания единства интересов и взаимозависимости всех членов мирового сообщества.

Процессы экономической глобализации объективно увеличивают объемы материальных ресурсов, которые человечество может тратить для снижения рисков неравномерного развития отдельных стран и регионов, осуществления стратегии устойчивого развития, оказания чрезвычайной гуманитарной помощи. Нередко эти начинания тормозятся по политическим соображениям или в связи с опасениями по поводу нецелевого использования средств, но фактор возросших возможностей поддержки развития имеет большой положительный эффект.

Опыт структурных преобразований в развивающихся регионах конца XX в. позволяет принимать более обоснованные решения, предвидеть и устранять проявления социальной напряженности, коррупции, корпоративного эгоизма, а иногда и ситуации прямого нарушения национальных интересов. Сегодня эти вполне универсальные риски изучены применительно к специфическим условиям всей зоны мирового Юга и даже отдельных стран. Все более оригинальными становятся и модели преодоления подобных рисков, которые проводятся в жизнь правительствами развивающихся стран и их внешними партнерами.

Приоритеты отечественной политики в отношении проблемы разрыва между Севером и Югом довольно очевидны: использование имеющихся внешнеполитических ресурсов для укрепления мира и стабильности в зоне развивающихся стран, поддержка и посильное участие в инициированных под эгидой ООН проектах, обеспечение интересов соотечественников, работающих в качестве иностранных специалистов за рубежом, гуманитарное сотрудничество с Югом, условно говоря, на двусторонней основе. Однако надо учитывать, что неоднозначность результатов социальной динамики, противоречивость прогнозов относительно ситуации в развивающихся странах таят опасность неоправданного распыления государственных ресурсов,

повышения затрат на внешнеполитический курс. Вероятно, снижение значимости этих рисков возможно на пути расширения профессиональной научной экспертизы социально-политических процессов в зоне мирового Юга.

Вопросы по теме

1. Какие проблемы в мире создает неравномерное развитие стран и регионов?
2. Какова причина бедности и отсталости ряда стран?
3. Какие существуют программы помощи бедным странам?
4. Способствуют ли программы помощи развитых стран в развитии и преодолении бедности?

Литература

1. Алексеева Т.А. Нации в мировой политике // Современные международные отношения и мировая политика. - М.: Просвещение, 2004. – С. 334-365.
2. Валлерстайн И. Анализ мировых систем: Современное системное видение мирового сообщества //Социология на пороге XXI века: новые направления исследований. - М. 1998. – 138 с.
3. Вико Дж. Основание новой науки об общей природе наций. - М.,1994.
4. Вебер А. Избранное. Кризис европейской культуры. - СПб., 1999.
5. Боришполец К.П. Разрыв между Севером и Югом //Современные международные отношения и мировая политика. - М.: Просвещение, 2004. - С. 311-333.
6. Гердер И.Г. Идеи к философии истории человечества. - М., 1997.
7. Сергеев В.М. Взаимодействие цивилизаций и культур //Современные международные отношения и мировая политика. - М.: Просвещение, 2004. – С. 436-451.
8. Тойнби А. Дж. Постижение истории. - М., 1991.
9. Фельдин Д.М. Человеческое измерение мировой политики //Современные международные отношения и мировая политика. - М.: Просвещение, 2004. – С. 452-467.
10. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций? //Полис. - 1994. - № 1.
11. Современные международные отношения и мировая политика. - М.: Просвещение, 2004. – 941 с.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение.....	3
Тема 1. Мировое сообщество и мировая система.....	4
Тема 2. Современный международный порядок.....	11
Тема 3. Национализм в мировой политике.....	30
Тема 4. Значение различий в культуре для международных отношений и мировой политики.....	55
Тема 5. Неравномерность мирового развития.....	67
Литература.....	86